
98 1/55

МЕТОДА
ЖАКОТО,

ИЗЛОЖЕННАЯ

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ.

Издалъ

ЕГОРЪ ГУГЕЛЬ,

Инспекторъ Классовъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ въ Гатчинѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Чтеніе. — Письмо. — Отечественный языкъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Конрада Вингебера.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. 3 Іюня 1833 года.

Ценсоръ *В. Семеновъ*.

ЧТЕНІЕ И ПИСЬМО.

Выучиться читать и писать есть дѣло столь малотрудное по методѣ Жакото, что на оное почти не обращается вниманія въ заведеніяхъ, управляемыхъ учениками Всеобщаго ученія *). Дѣти читаютъ и пишутъ, не примѣчая затрудненій, коими старая метода умѣла окружить первые ихъ шаги на поприщѣ ученія.

Вмѣсто того, чтобы коптѣть надъ азбукою, надъ *ба, би, бо, бу* и надъ всѣми скучными послѣдствіями сего, воспитанники наши, черезъ двѣ недѣли послѣ ихъ вступленія къ намъ, идутъ рядомъ съ тѣми, кои нѣсколько лѣтъ просидѣли въ

*) Одинъ слуга, котораго господинъ хотѣлъ прогнать отъ себя за то, что онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, выучился сему въ продолженіе *семи уроковъ*, занимаясь съ однимъ ученикомъ всеобщаго ученія въ каждую ночь только по одному часу. Изумленный симъ господинъ его, оставилъ слугу при себѣ, и самъ сдѣлался однимъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ методы.

первоначальныхъ школахъ, будучи обучаемы тамъ по весьма старой методѣ, или по методѣ Ланкастеровой, достойной соперницы первой, или какой либо другой.

Можетъ быть, скоро съ удивленіемъ спросятъ, какъ возможно было, въ продолженіе столь долгаго времени, убивать цѣлые годы, чтобы выучиться читать, и ничто не оправдаетъ тогда упрямаго слѣпотствованія прежнихъ нашихъ учителей. Нѣтъ нужды, они не имѣли другихъ понятій о томъ, или, можетъ быть, находили въ томъ интересъ свой; воспользуемся свѣтомъ, и пусть погрузится въ глубокую темноту все, что намъ предшествовало.

ПЕРВЫЙ УРОКЪ.

Ученику даютъ въ руки первую книгу *Телемака.* *)

Учитель читаетъ слово *Калипса*, которое дитя должно повторить, разсмотрѣвъ оное со вниманіемъ. **)

---

*) Или всякую другую книгу, хорошо написанную; но доселѣ для изученія Французскаго языка признано наилучшимъ безсмертное твореніе Фенелона, написанное имъ для Дофина.

**) Кто желаетъ имѣть успѣхъ, тому совѣтуемъ придерживаться точному смыслу выраженій, здѣсь употребляемыхъ; ибо еслибъ мы хотѣли все сказать, то намъ надобно бъ было написать цѣлые томы.

Учитель читаетъ опять сначала: *Калипса — не*, заставляя дитя повторять сіе, чтобы оба слова при произношеніи отдѣлялись другъ отъ друга: *Калипса — не.*

Учитель опять повторяетъ сначала, прибавляя третье слово *могла*, и дитя должно повторить: *Калипса не могла.*

Учитель, заставивъ повторить ученика сіи три слова, не долженъ итти далѣе, но прежде обратить на оныя все вниманіе его. Онъ спрашиваетъ его, гдѣ слово *не*, гдѣ слово *могла*, гдѣ находится слово *Калипса.* Дитя должно показать каждое изъ сихъ словъ безостановочно. Если оно сего не можетъ сдѣлать, то учитель продолжаетъ вопросы до тѣхъ поръ, пока дитя будетъ узнавать сіи слова *во всякомъ мѣстѣ книги, гдѣ бы ему оныя ни показали.*

За симъ учитель продолжаетъ, начиная всегда съ перваго слова *Калипса*, и прибавляя всякой разъ по одному новому слову къ тѣмъ, которыя дитя уже знаетъ; онъ поступаетъ такимъ образомъ до послѣдняго слова первой фразы.

Когда ученикъ хорошо читаетъ фразу: *Калипса не могла утѣшиться объ отшествіи Улиссовомъ;* когда онъ узнаетъ всѣ слова, оную составляющія, вездѣ, гдѣ бы они ему ни были показаны, тогда учитель начинаетъ съ-изнова, заставляя ученика

различать слоги: *Ка — лип — са — не — мо— гла — у — тъ — шить — ся — объ от— ше — стві — и — У — лис — со — вомъ.*

Учитель заставляетъ ученика показывать ему слоги: *от, лис, са, со, ся, не, гла, объ, шить, стві, ка, мо, лип* и т. д. и обращаетъ вниманіе на то, что слогъ *у* встрѣчается два раза, и, наконецъ, называетъ ученику каждую букву по имени.

И такъ ученикъ выучилъ въ первый урокъ *семь* словъ, девятнадцать слоговъ и слѣдующія двадцать двѣ буквы: *к, а, л, и, п, с, н, е, м, о, г, у, т, т, ш, ь, я, б, ъ, в, і, ы.*

ВТОРЫЙ УРОКЪ.

Учитель начинаетъ чтеніе съ самаго перваго слова первой книги, къ тѣмъ словамъ, которыя уже ученику извѣстны, всегда прибавляетъ по одному новому; всегда заставляетъ его раздѣлять оныя на слоги, и называетъ ему тѣ буквы, которыя ученику еще неизвѣстны, стараясь его довести такимъ образомъ до конца четвертой фразы.

Учитель даетъ замѣтить ученику, что слова могутъ быть раздѣлены различнымъ образомъ, т. е. что сверхъ слоговъ: *ка, лип, са,* можно найти въ первомъ словѣ еще слоги: *ал, ли, ипс, пса,* и проч.

Когда ученикъ встрѣчаетъ слово, коего всѣ слоги онъ видѣлъ уже въ какихъ либо словахъ, имъ выученыхъ, то надобно заставить его найти самому оные, и помогать ему только при буквахъ, знакахъ или слогахъ, которые онъ еще не видѣлъ въ какомъ либо изъ предъидущихъ словъ.

Какъ ученикъ посредствомъ безпрерывнаго повторенія скоро выучитъ сіи фразы наизустъ, то хорошо заставить его сказать наизустъ всѣ буквы, составляющія какое либо слово. Учитель, напримѣръ, спрашиваетъ его: какъ пишется *отдавалось?* Ученикъ долженъ отвѣтить: *о, т, д, а, в, а, л, о, с, ь.* Спрашиваетъ его также, какъ пишется: *от, дава, лось, алось, валось, давалось* и проч.

Когда ученикъ совершенно знаетъ всѣ слова сихъ первыхъ четырехъ фразъ, слоги, оныя составляющіе, буквы каждаго слога, и когда онъ наизустъ можетъ назвать буквы каждаго слова, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ совершенно знаетъ то, что онъ прочелъ, и что ему извѣстно также правописаніе каждаго слова.

За симъ вторымъ урокомъ заставляютъ ученика писать. Для сего нужна пропись, написанная мелкимъ шрифтомъ, и содержащая первую фразу Телемака, дабы ученикъ самъ могъ найти разность, находящуюся между письменными и печатными

буквами. Показавъ ученику сію пропись, учитель заставляетъ его списать оную, и потомъ разсмотрѣть надлежащимъ образомъ форму всѣхъ буквъ прописи.

Дитя пишетъ первое слово *Калипса*; не должно позволять ему писать далѣе, не свѣривъ прежде сходно ли сіе первое слово съ прописью.

Учитель долженъ остерегаться, чтобы не дѣлать никакого замѣчанія, ни малѣйшей поправки; ученикъ долженъ самъ все видѣть и поправлять: учителю надлежитъ только дѣлать вопросы. Напр.

Учит. Хорошо ли, это *К*?

Учен. Оно слишкомъ длинно, или слишкомъ коротко, или слишкомъ высоко, или слишкомъ широко или слишкомъ криво и т. д.

Учит. Можно ли сдѣлать его лучше?

Учен. Я думаю, что можно.

Учит. Какъ для сего надлежитъ поступить?

Учен. Смотрѣть съ большимъ вниманіемъ на пропись. *)

Такимъ образомъ учитель проходитъ всѣ буквы, и заставляетъ ученика снова написать слово *Калипса*, дѣлая при томъ всегда тѣже самые во-

---

*) Само собою разумѣется, что если ученикъ не дастъ отвѣта на сей, или какой нибудь другой вопросъ, то учитель можетъ довести его до того посредствомъ другихъ вопросовъ; и въ семъ случаѣ, напримѣръ, спросить его: сдѣлали ли бъ вы это *К* такъ длиннымъ, если бъ вы внимательно разсмотрѣли пропись? и. т. д.

просы касательно всякой буквы, пока ученикъ не привыкнетъ разсматривать со вниманіемъ буквы и переходить ко второй только тогда, когда увѣренъ, что онъ хорошо разсмотрѣлъ и хорошо сдѣлалъ первую.

Такъ учитель продолжаетъ, прибавляя всегда новое слово, до тѣхъ поръ, пока будетъ написано нѣсколько фразъ, и пока ученикъ не сдѣлаетъ всѣхъ нужныхъ замѣчаній, дабы не впадать уже въ ошибки, имъ прежде означенныя.

Учитель такимъ же образомъ удостовѣряется, что ученикъ различаетъ всѣ слова, всѣ слоги, всѣ буквы; онъ заставляетъ его писать сіи послѣднія отдѣльно, спрашиваетъ о сходствѣ и различіи въ оныхъ замѣчаемыхъ; требуетъ съ ученика, напр., сличеніе буквы *О* съ буквою *А*, *И* съ *Ш*, *П* съ *Т*, *П* съ *И*, *Т* съ *Ш*, *Л* съ *М*, *Ъ* съ *Ь*, *С* съ *Е*, *И* съ *Ы* и т. д.

ТРЕТІЙ УРОКЪ.

Учитель заставляетъ ученика повторять пройденныя четыре фразы, прибавляя постепенно слѣдующія за оными, и наблюдая тотъ же самый способъ ученія.

Учитель произноситъ одно какое либо слово, дитя повторяетъ оное; учитель спрашиваетъ буквы сего слова, дитя именуетъ ему ихъ; если между оными находится одна или нѣсколькія буквы,

коихъ ученикъ еще прежде не встрѣчалъ, то учитель называетъ ихъ, заставляя его внимательно замѣтить.

Послѣ каждаго новаго слова должно начинать чтеніе съ самаго перваго слова первой фразы. Посредствомъ сихъ безпрерывныхъ повтореній ученикъ убѣждается, что даже то, что сначала ему казалось чрезвычайно труднымъ, врѣзывается ему наконецъ въ память; успѣхъ сей ободряетъ его, и потомъ уже ничто не можетъ остановить его.

Учитель долженъ весьма часто обращаться къ однимъ и тѣмъ же словамъ, къ однимъ и тѣмъ же слогамъ, если онъ примѣчаетъ запинаніе въ отвѣтахъ ученика. Тогда каждое новое пріобрѣтеніе дѣлается прочнымъ; и каждое новое напряженіе влечетъ за собою доказательство въ какомъ либо успѣхѣ.

Учитель долженъ помогать ученику только въ томъ, чего тотъ не можетъ знать, и заставлять его всегда самому находить, что онъ уже видѣлъ.

Только самъ ученикъ долженъ говорить о томъ, что онъ выучилъ; долгъ учителя только слушать его, и дать ему почувствовать, что онъ замѣчаетъ всѣ недосмотры его.

Упражненія въ письмѣ продолжаются, учитель дѣлаетъ вопросы, заставляетъ ученика давать

отчетъ о различіи, которое находится между прописью и тѣмъ, что онъ написалъ; побуждаетъ его писать прямо и опрятно, упражняетъ его въ письмѣ наизустъ безъ прописи, и заставляетъ его потомъ дѣлать сравненія, какъ выше показано было.

ЧЕТВЕРТЫЙ УРОКЪ.

Такимъ образомъ продолжаютъ, прибавляя къ сдѣланнымъ уже вопросамъ новые, и побуждая симъ ученика къ новымъ наблюденіямъ.

Учитель заставляетъ ученика обращать вниманіе на точки и запятыя; показываетъ ему ихъ пользу. Онъ удостовѣряется, что ученикъ читаетъ со вниманіемъ, спрашиваетъ его объ употребленіи прописныхъ буквъ; если ученикъ не отвѣтитъ положительно на сей вопросъ, то причина тому та, что онъ не разсматривалъ со вниманіемъ, посему онъ долженъ съ-изнова разсмотрѣть все, пока онъ все увидитъ.

Когда ученикъ пройдетъ такимъ образомъ два или три параграфа первой книги, т. е. около тридцати или сорока строкъ, должно заставить его приготовиться самому къ чтенію нѣсколькихъ фразъ.

Учитель долженъ сколько возможно чаще повторять все, что было пройдено, и безпрерывно повѣрять, не забыто ли чего нибудь; посему онъ

долженъ итти медленно, двадцать разъ обращаться къ одному и тому же, дѣлать множество вопросовъ, и наконецъ употребить всѣ возможныя средства, дабы удостовѣриться, что ученикъ *знаетъ* все пройденное, и особенно не переходить къ слѣдующему слову, пока ученикъ не совершенно знаетъ все предъидущее.

Всеобщее ученіе совершенно состоитъ въ безпрерывномъ повтореніи того, что впервые было выучено. Что бы ни было выучено, всегда надобно относить остальное къ оному; посему все, что сначала было выучено, должно быть такъ усвоено памятью, чтобы она могла безъ всякаго напряженія вспомнить самую малѣйшую подробность пройденнаго. Когда ученикъ дошелъ до словъ: *Калипса, исполненная удивленія и умиленія*, т. е. когда онъ внимательно разсмотрѣлъ первыя семьдесятъ строкъ Теламака, такъ, что онъ можетъ безъ запинанія различать въ нихъ всѣ слова, слоги и буквы, то онъ умѣетъ читать, и болѣе не нуждается на счетъ сего въ учителѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ останавливать его? Онъ находитъ слова *не, но, часто, объ, въ, ея, что*, которыя онъ видѣлъ уже нѣсколько разъ. А можетъ ли онъ не прочесть словъ *исполненная, удивленіе* и *умиленіе* и т. д., когда онъ разобралъ *Улиссъ*, гдѣ находится *ис*, *злополучіе*, гдѣ

находится *пол, раздробленныя* гдѣ находится *енныя* и т. д.? Впрочемъ, если бы онъ запинался, то слѣдуетъ только его убѣдить, что причиною сему его нерадѣніе, и велѣть ему быть впредъ внимательнѣе.

Если меня поняли, то мнѣ не остается ничего болѣе сказать о чтеніи, въ коемъ воспитанникъ будетъ совершенствоваться уже выучиваніемъ наизусть.

Учитель продолжаетъ заниматься съ нимъ часто письмомъ, сперва *мелко*, потомъ *покрупнѣе*, и наконецъ *крупно*, заставляя его безпрестанно сравнивать пропись съ тѣмъ, что онъ написалъ, и никогда не итти далѣе, пока предшествующее не будетъ хорошо присвоено.

Безпрерывно должно повторять сіи упражненія, дабы удостовѣриться, что ученикъ ничего не забываетъ, и приложить сколько можно стараніе о правописаніи, оно подаетъ поводъ ко многимъ соображеніямъ, которыхъ умъ никогда не сдѣлаетъ, если память ему не представитъ въ точности всѣ буквы, всѣ слоги.

Когда онъ дошелъ до того, то приступаетъ къ изученію отечественнаго языка. *)

---

*) Многіе изъ нашихъ учениковъ выучились читать и писать въ пятнадцать уроковъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫКЪ.

Должно начать ученіе воспитанника выучиваніемъ наизусть первыхъ шести книгъ Телемака. Необходимо, чтобы онъ зналъ сіи шесть книгъ превосходнымъ образомъ, т. е. могъбы пересказать оныя слово въ слово отъ начала до конца безъ остановки; и если произнесутъ ему первое слово какого либо параграфа, или какой либо фразы, онъ тотчасъ бы разсказалъ весь тотъ параграфъ, или всю ту фразу, не пропуская ни одного слова. Напримѣръ, если вы ему произнесете: *Однако Калипса*, онъ долженъ сказать весь третій параграфъ первой книги; или, если вы скажете: *Со всѣхъ сторонъ мы примѣчаемъ*, чтобы онъ произнесъ весь вторый параграфъ пятой книги. Сихъ примѣровъ достаточно, дабы показать средство, какимъ образомъ можно увѣриться въ томъ, что воспитанникъ знаетъ всѣ шесть книгъ.

Но прежде, нежели пойдемъ далѣе, я долженъ показать, какъ слѣдуетъ ему учить наизусть. Надобно, чтобы онъ въ каждый день выучивалъ

или фразу, или параграфъ, или страницу, смотря потому, какъ обработана его память; и при семъ, чтобы онъ никогда не позабывалъ повторять выученнаго, начиная всегда съ перваго слова книги. Положимъ, напримѣръ, что онъ въ первый день выучилъ отъ слова: *Калипса* до словъ: *отъ очей ея сокрылся;* на другой день онъ выучилъ отъ слова: *вдругъ* до словъ: *не хотѣла быть познана Калипсою;* то тотчасъ послѣ сего онъ долженъ повторить отъ начала перваго параграфа до конца втораго. Выучивъ до послѣдней фразы второй книги, онъ начинаетъ изустное повторенiе отъ начала первой книги. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и до конца шестой книги.

Но если невозможно будетъ употреблять столько времени на повторенiе, чтобы ежедневно повторять всѣ шесть книгъ, то, по крайней мѣрѣ, повторенiе должно быть такъ распредѣлено, чтобы въ недѣлю непремѣнно повторены были всѣ книги два раза. Сiе послѣднее относится къ учителямъ, имѣющимъ много учениковъ, и къ родителямъ, у коихъ не достаетъ для сего времени; но тѣ, которые ежедневно будутъ повторять все, получатъ результаты гораздо скорѣе и болѣе прочные.

Сiе упражненiе, чисто мнемоническое, составляетъ основанiе Всеобщаго ученiя (L'enseignement universel); безъ него нельзя надѣяться успѣть

въ чемъ либо, и всѣ результаты, которые можно получить, будутъ слѣдствіемъ старанія, употребленнаго при изученіи шести книгъ. И такъ при сихъ первыхъ упражненіяхъ должно итти медленно и часто обращаться на выученное. Когда дитя будетъ знать совершенно всѣ шесть книгъ, тогда все остальное ученіе будетъ для него игрушкой.

Совѣтуемъ учителю сколько возможно, осторожнѣе обходиться съ ученикомъ своимъ при сихъ первыхъ упражненіяхъ, столь скучныхъ и сухихъ; ибо, въ противномъ случаѣ, оныя легко могутъ поселить въ немъ неохоту къ ученію, и даже совершенно отвратить его отъ онаго. Если ученикъ не можетъ выучить цѣлаго параграфа въ день, то пусть выучитъ двѣ или одну фразу, даже одно слово. Если онъ сегодня только нѣчто выучитъ, то на завтра выучитъ болѣе, а черезъ двѣ недѣли будетъ столь же хорошо учить, какъ и прилежный мальчикъ.

Родители никогда не должны останавливаться на сей мысли, *что дитя ихъ не имѣетъ памяти. Всѣ люди имѣютъ память и имѣютъ одинаковую память.* Никогда не должно смѣшивать способности удерживать что либо въ головѣ съ упражненіемъ сей способности. Идите медленно, но никогда не останивлавайтесь, и вы будете удивлены успѣхами.

Родители или учители, которые прочтут сіи начертанія, конечно поймут, что при семъ случаѣ можно употреблять поощренія или наказанія, дабы заставить воспитанника работать, если онъ лѣнивъ до того, что не хочетъ учиться. Я говорю: если онъ не хочетъ вовсе учиться, потому что по десятилѣтней опытности доказано, что *всякое дитя можетъ учиться;* а что то, котораго предполагаютъ неимѣющимъ способностей, просто лѣнивецъ, коего нужно веспи наивозможно искуснымъ образомъ, дабы вселить въ немъ охоту къ ученію. Я считаю, что одобренія, въ семъ случаѣ, предпочтительнѣе наказаній; но были случаи, гдѣ только сіи послѣднія могли преклонить ребенка къ работѣ. И такъ сіе зависитъ отъ благоразумія учителя. — Но если я упомянулъ о безпечныхъ способностяхъ, то я не могу умолчать здѣсь и о тѣхъ дѣтяхъ, коихъ способности бываютъ столь развиты, что ихъ почитаютъ за геніевъ. Родители и учители! не довѣряйте слишкомъ великимъ способностямъ вашихъ дѣтей: тѣ, которые будутъ васъ сегодня удивлять своимъ ученіемъ, на завтра же, можетъ быть, удивятъ васъ въ противномъ, т. е. своимъ невѣдѣніемъ. Воспитанникъ, который съ трудомъ выучиваетъ одну фразу, твердо удерживаетъ ее въ памяти: но сіе не всегда бываетъ съ тѣми,

которые выучиваютъ цѣлыя страницы по одному воззрѣнію на книгу.

Я предаю сіи разсужденія на судъ читателя; и если онъ меня понялъ, то будетъ очень остерегаться предпринимать какія либо другія упражненія прежде, нежели увѣрится, что дитя *знаетъ превосходно шесть книгъ Телемака.*

Когда уже учитель удостовѣрился, что дитя знаетъ первыя шесть книгъ превосходнымъ образомъ, то безполезно заставлять его потомъ учить также наизусть слѣдующія книги; но необходимо нужно, чтобы дитя каждый день прочитывало впередъ со вниманіемъ, хотя по нѣскольку страницъ, дабы могло разсказать то, что въ нихъ содержится. Весьма важно не пренебрегать симъ упражненіемъ и оцѣнить пользу онаго. Во первыхъ, по разсказамъ вашего ученика, вы удостовѣритесь, что онъ читалъ со вниманіемъ; во вторыхъ, онъ приобыкнетъ чрезъ сіе объяснять безъ запинанія факты, представляющіеся его памяти, и употреблять кстати выраженія, находимыя имъ въ книгѣ.

При семъ второмъ упражненіи не должно забывать дѣлать частныя и общія повторенія выученныхъ шести книгъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, даже и въ томъ случаѣ, когда ученикъ знаетъ оныя твердо.

Теперь самое трудное дѣло сдѣлано: дитя уже знаетъ все то, что ему должно знать; такъ какъ онъ знаетъ одну книгу, онъ знаетъ всѣ книги, поелику *все заключается во всемъ.* Ничего болѣе не нужно теперь какъ пріучить умъ его *различать, сравнивать* и *относить.* Вотъ предметъ слѣдующихъ упражненій, и въ коихъ уже, особенно въ началѣ, должно сколько возможно остерегаться не спѣшить итти впередъ.

Заставьте вашего воспитанника прочесть два первые параграфа первой книги; посовѣтуйте ему обратить на оные все его вниманіе, и потомъ обращайте къ нему всякаго рода вопросы, какіе прійдутъ вамъ въ голову о каждомъ словѣ, о каждой фразѣ параграфа, о цѣломъ параграфѣ или обоихъ вмѣстѣ; не останавливайтесь поступать такимъ образомъ дотолѣ, пока вы не будете совершенно увѣрены, что ничего не ушло отъ его вниманія.

Сіе упражненіе, которое весьма просто, если оное поймутъ, есть одно изъ тѣхъ, которое болѣе всего приводило въ затрудненіе отцевъ семействъ или учителей, прочитавшихъ безъ вниманія книги основателя методы; многіе даже по прочтеніи оныхъ съ возможнымъ вниманіемъ, говорили еще, что они ничего не поняли изъ нихъ. Какая бы ни была причина сего слѣпотствованія,

которое во многихъ однакоже изчезло при легкомъ обзорѣ ими вмѣстѣ со мною твореній славнаго Жакото, постараюсь представить сіе упражненіе въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ, разсматривая два первые параграфа Телемака такимъ образомъ, чтобы послѣ сего невозможно было не продолжать сего упражненія на все прочее.

Начнемъ:

»*Калипса не могла утѣшиться объ отшествіи Улиссовомъ.*«

Учитель спрашиваетъ: кто отшелъ?

Ученикъ отвѣчаетъ: Улиссъ.

В. — Кто не могъ утѣшиться?

О. — Калипса.

В. — О чемъ Калипса не могла утѣшиться?

О. — Объ отшествіи Улиссовомъ.

В. — Калипса любила Улисса?

О. — Да, любила.

В. — Почему вы такъ говорите?

О. — Потому, что если бъ Калипса не любила Улисса, то она не была бъ безутѣшна послѣ его отшествія.

В. — Почему говорите вы безутѣшна?

О. — Потому, что это тоже самое, что не могла утѣшиться.

В. — Гдѣ вы видѣли сіе?

О. — Я не могу вамъ сказать этого, но я такъ думаю.

Въ семъ случаѣ учитель долженъ убѣдить ученика не употреблять ни одного слова, ни одной фразы, которой онъ не можетъ показать въ томъ, что онъ выучилъ наизусть.

Продолжаемъ:

»*Въ горести своей почитала себя несчастною, что была безсмертна.*«

В. — Кто печалился?

О. — Калипса.

В — Кто былъ безсмертенъ?

О. — Калипса.

В. — Отъ чего она почитала себя несчастною, что была безсмертна?

О. — Отъ того, что Улиссъ отъѣхалъ отъ нея, и что она отъ своей печали хотѣла умереть.

В. — Почему вы это знаете?

О. — Потому, что я видѣлъ въ первой фразѣ, что Улиссъ отъѣхалъ, и что Калипса не могла утѣшиться объ его отшествіи.

В. — Что значитъ быть безсмертнымъ?

О. — Никогда не умирать.

Уч. — Очень хорошо.

Легко понять, что учитель можетъ измѣнять сіи вопросы до безконечности, и что ученикъ можетъ отвѣчать другое, какъ здѣсь пока-

зано; и такъ не должно буквально придерживаться оныхъ и требовать отъ ученика отвѣты, которые я означилъ, ибо статься можетъ, что онъ будетъ смотрѣть съ другой точки зрѣнія, нежели я, однакожъ тѣмъ не менѣе справедливо. Я буду продолжать сіе упражненіе надъ слѣдующими фразами, но стану выставлять только одни вопросы, ибо для меня не возможно предугадать отвѣты.

Скажу здѣсь только, что учитель въ первые дни долженъ стараться дѣлать только одни легкіе вопросы, чтобы ученики не затруднялись въ отвѣтахъ, и чтобы отвѣты сіи находились, такъ сказать, въ той самой фразѣ, о который учитель дѣлаетъ вопросы; какъ необходимо нужно, чтобы дитя оправдывало всѣ отвѣты свои, то можно переходить мало по малу къ вопросамъ болѣе труднымъ. Сіе упражненіе убѣдитъ учителя сколько дитя имѣетъ сужденія, и что оно съ большею точностью, нежели мы, различаетъ самомалѣйшіе предметы.

» Въ пещерѣ ея не отдавалось уже сладкаго ея пѣнія.«

В. — Калипса всегда пѣла?

В. — Почему Калипса болѣе не пѣла?

В. — Калипса имѣла пещеру?

В. — Почему въ Калипсиной пещерѣ не отдавалось болѣе ея пѣнія?

В. — Калипса имѣла привычку пѣть?

»*служившія ей нимфы не смѣли съ нею бесѣдовать.*«

В. — Кто служилъ Калипсѣ?

В. — Прежде нимфы разговаривали съ Калипсою?

В. — Почему нимфы не смѣли болѣе бесѣдовать съ Калипсою?

Часто прогуливалась она по цвѣтущимъ лугамъ, которыми вѣчная весна обложила ея островъ.«

В. — Гдѣ прогуливалась Калипса?

В. — На островѣ Калипсы было холодно?

В. — Что облегало островъ Калипсы?

В. — Калипса всегда прогуливалась?

В. — Почему она одна прогуливалась?

Если воспитанникъ не будетъ въ состояніи отвѣтить, то должно его принудить размышлять о вопросѣ, сравнивая оный съ предметомъ вопроса; тогда онъ не станетъ уже запинаться. Ученики всегда разсѣяваются, если они встрѣчаютъ какое либо затрудненіе; посему надобно стараться не утомлять ихъ вниманія длинными рядами вопросовъ.

Будемъ продолжать:

»Но сіи прелестныя мѣста не только не уменьшали скорьби ея, но еще больше возбуждали въ ней печальное воспоминаніе объ Улиссѣ, котораго она толикократно съ собою тамъ видала.«

В. — Гдѣ Калипса видала Улисса?

В. — Калипса часто его видала?

В. — Отъ чего сіи мѣста возбуждали въ ней воспоминаніе объ Улиссѣ?

В. — Почему сіе было печальное воспоминаніе?

В. — Почему видъ сихъ прелестныхъ мѣстъ не могъ облегчить ея печали?

»Часто стояла она на берегу моря, орошая его своими слезами.«

В. — Отъ чего она стояла неподвижно?

В. — Отъ чего она орошала морской берегъ своими слезами?

В. — Почему она для своихъ прогулокъ предпочитала морской берегъ?

»и непрестанно обращалась къ той странѣ, гдѣ корабль Улиссовъ, разсѣкая волны, отъ очей ея сокрылся.«

В. — Для чего она безпрестанно обращалась и проч.?

В. — На чемъ Улиссъ отправился?

В. — Всегда ли видала она предъ собою корабль Улиссовъ?

В. — Что значитъ разсѣкая волны?

Вотъ что я разумѣю подъ выраженіемъ: *дѣлать вопросы на каждую фразу.* Не трудно понять, что можно сдѣлать болѣе или менѣе вопросовъ другаго рода; но я полагаю, что отецъ семейства или учитель теперь понимаетъ уже смыслъ сихъ словъ: *дѣлать вопросы на фразы и на слова.* Сіи вопросы, безъ сомнѣнія, покажутся или весьма простыми или вовсе безполезными, и многіе будутъ сомнѣваться въ томъ, чтобы это было единственное средство къ достиженію того, дабы понимать Фенелона и писать столь же хорошо какъ онъ: для насъ въ томъ нѣтъ нужды; мы не будемъ доказывать, что это хорошо, но мы скажемъ только: *испытайте* . . . . . . Всѣ, которые испытывали, успѣвали: теперь судите какъ вамъ угодно. Если же вы не хотите испытать сего, то сожгите книгу, и не гнѣвайтесь болѣе; только мы васъ просимъ не препятствовать съ своей стороны *испытать* сіе бѣднымъ, для которыхъ единственно работалъ основатель сей методы.

Когда вы распросили воспитанника о каждой фразѣ двухъ первыхъ параграфовъ, то начните дѣлать ему вопросы, относящіеся ко всему параграфу, или къ обоимъ вмѣстѣ. Напр.:

В. — Что такое богиня?

В. — Что такое нимфа?

В. — Какъ поступаютъ, когда печалятся?

В. — Какая разница между богами и людьми?

В. — Что такое кораблекрушеніе?

и т. д.

Это безконечно; можно написать цѣлые томы вопросовъ и отвѣтовъ, не истощая матеріи. Посему излишнимъ почитаемъ продолжать еще вопросы.

Скажу только, симъ способомъ должно удостовѣриться, что понимаетъ воспитанникъ смыслъ каждаго слова, каждой фразы, каждаго параграфа, вмѣстѣ многихъ параграфовъ, наконецъ всей книги. По мѣрѣ того, какъ сіи упражненія будутъ подвигаться впередъ и какъ воспитанникъ *пріобыкнетъ отвѣчать*, оныя сдѣлаются болѣе занимательными: *но примите за всегдашнее правило дѣлать только такіе вопросы, отвѣты на кои содержатся въ книгѣ, уже выученной воспитанникомъ, это нужды нѣтъ гдѣ именно; если элементы отвѣта на какой либо вопросъ будутъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ книги, память навѣрное соединитъ ихъ. Умъ всегда видитъ хорошо то, что онъ видѣлъ въ въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ безразсудно только о томъ, чего мы не видали.*

По мѣрѣ успѣховъ должно довести воспитанника до того, чтобы онъ могъ *обобщивать* (généraliser), т. е. говорить о частномъ дѣйствіи

способомъ, принаровленнымъ ко всѣмъ дѣйствіямъ того же рода. Напр. когда вы истощите всякаго рода вопросами первой параграфъ, то можете спросить воспитанника: *что вы видите во всемъ семъ параграфѣ?* — Онъ вамъ скажетъ, что въ ономъ видитъ онъ *горесть, печаль, безутѣшность причиненую отшествіемъ*, или тому подобное. Предположимъ, что онъ видитъ тутъ печаль. Спросите его тотчасъ: что такое печаль? и вотъ онъ принужденъ *обобщивать.*

Помѣщаю здѣсь отвѣтъ воспитанника, которому я сдѣлалъ таковый вопросъ:

»Печаль есть чувство, которое мы испытываемъ при потерѣ кого либо для насъ любезнаго; когда печалятся, то ищутъ уединенія, перестаютъ восхищаться прелестными мѣстами; она внушаетъ страхъ тѣмъ, которые насъ окружаютъ.«

Послѣ того я ему сдѣлалъ слѣдующіе вопросы: *В.* — Почему вы сказали: *печаль есть чувство, которое мы испытываемъ при потерѣ кого либо для насъ любезнаго? О.* — Послѣ отшествія Улиссова Калипса не могла утѣшиться. — *В.* — Почему вы сказали: *когда печалятся, то ищутъ уединенія? — О.* — Часто прогуливалась она и пр. — *В.* — Почему вы сказали: *перестаютъ восхищаться* и пр.? — *О.* — Калипсѣ не нравился бо-

лѣе ея островъ; она не примѣчала болѣе цвѣтущихъ луговъ, она думала только объ Улиссѣ, и ничто не могло облегчить ея печали. — *В.* — Почему вы сказали: *внушаетъ страхъ* и пр.? — *О.* — Служившія ей нимфы не смѣли съ нею бесѣдовать.

Въ сіе время вы ободряете ученика, доказывая ему, что когда онъ говоритъ, основываясь на фактахъ, то его разсужденія всегда бываютъ вѣрны.

Повторяйте сіе упражненіе сколько возможно чаще, назначая воспитаннику одинъ или нѣсколькіе параграфы, или цѣлую книгу изъ Телемака для выбора предмета на свое сочиненіе. Я здѣсь долженъ сдѣлать примѣчаніе, о которомъ предоставляю судить читателю. Я видѣлъ, что въ семъ случаѣ дѣйствовали двоякимъ образомъ. Одни предоставляли воспитаннику выбирать для своего сочиненія такую-то и такую-то страницы, вовсе не означая ему оной; тогда воспитанникъ читаетъ со вниманіемъ или разсуждаетъ о какомъ либо фактѣ, представляющемся его памяти. Онъ самъ выбираетъ слово или мысль, которыя ему слѣдуетъ обобщить, и пишетъ какъ ему угодно. Въ другихъ заведеніяхъ, напротивъ, учитель говоритъ воспитаннику: составьте разсужденіе на такое-то слово, внимательно разсмотрѣвъ прежде

такую-то и такую-то страницы. Я думаю, что первое средство есть лучшее. Дѣйствительно, во Всеобщемъ ученіи всѣ наши усилія стремятся къ развитію способностей, коими природа равно надѣлила всѣхъ людей; дабы достигнуть сего, мы приняли за правило, что не надлежитъ никогда говорить воспитаннику того, что онъ долженъ видѣть. *Мы никогда не должны ему говорить, что онъ ошибся*; намъ слѣдуетъ руководствовать его такъ, чтобы его способности дѣйствовали въ совершенной свободѣ, и чтобы онъ самъ позналъ заблужденія, въ которыя онъ впалъ. Посему говорить ребенку: пишите на слово *несчастіе*, соображаясь съ такой то страницей книги, не значитъ ли сказать ему: въ сей страницѣ нѣтъ ничего другаго, какъ *несчастіе*, тутъ безполезно искать еще чего-либо. Можетъ случиться, что сіе сообщеніе мысли произведетъ дѣйствіе столь противное намѣреніямъ учителя, что воспитанникъ не найдетъ на страницѣ ничего, кромѣ слова несчастіе, можетъ быть, что онъ тогда даже не найдетъ, что сказать о несчастіи. Куда дѣнется тогда наше правило, что воспитанникъ долженъ писать, неимѣя въ насъ нужды, когда мы, впадая въ старую методу, кажется, принуждаемъ его находить, что писать о несчастіи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нашъ развитый умъ видитъ только одну идею о несчастіи,

и гдѣ, въ слѣдствіе сего, утверждаемъ, что нѣтъ ничего другаго?

Я полагаю, что гораздо лучше предоставить воспитаннику выборъ темы для сочиненія; а если бы учитель желалъ знать, что думаетъ воспитанникъ о такомъ-то мѣстѣ въ книгѣ, то пусть довольствуется сказать ему: пишите о томъ, что вы видите въ такомъ-то мѣстѣ книги. Онъ можетъ быть спокоенъ: ибо если тамъ есть о чемъ писать въ разсужденіи *несчастія*, то ученикъ не упуститъ этаго изъ вида, и сочиненіе его будетъ тогда превосходнѣе того, которое онъ сдѣлаетъ на предписанную тему.

Теперь отецъ семейства или учитель хорошо понимаетъ первое упражненіе и важность онаго. Кто со вниманіемъ прочелъ предъидущее, долженъ почитать себя способнымъ руководствовать сына или воспитанника своего въ составленіи какого либо Русскаго сочиненія, заставляя его обобщивать факты, то есть, *отвлекать отъ нѣсколькихъ частныхъ фактовъ какое либо общее понятіе, и употреблять при томъ только тѣ слова, и выраженія, которыя он видѣлъ въ книгѣ.* Какъ бы вѣрно не употребилъ воспитанникъ какое либо слово или выраженіе, не должно позволить ему употребленія оныхъ, если онъ не видѣлъ ихъ въ книгѣ. И подлинно, когда мы принимаемъ за пра-

вило, что незнающій Русскаго языка можетъ учить оному, или лучше сказать, руководствовать ученика въ изученіи онаго, то какимъ образомъ сей несвѣдущій въ языкѣ, можетъ узнать вѣрно ли воспитанникъ употребилъ такое-то и такое-то слово, котораго онъ не знаетъ? И сверхъ сего дитя, которое привыкнетъ говорить, только основываясь на фактахъ, употреблять только слова и выраженія, имъ видѣнныя въ книгѣ, въ послѣдствіе не будетъ находиться въ нерѣшимости, не будетъ на каждомъ шагу останавливаемо желаніемъ употребить слово, коего смыслъ ему неизвѣстенъ, но коего пріятный звукъ ему нравится. Такимъ образомъ многіе люди, чтобы имѣть удовольствіе образовать благозвучныя фразы, мало заботятся о здравомъ смыслѣ. Нашъ ученикъ будетъ говорить и писать такъ какъ Фенелонъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ съ нами; *) въ послѣдствіе, когда онъ будетъ въ состояніи продолжать изученіе языка безъ руководства учителя, то ничто не остановитъ его подражать оборотамъ извѣстныхъ Русскихъ писателей, и употреблять ихъ выраженія; онъ

*) Посему надобно бы стараться имѣть *хорошій* переводъ Фенелона, или, еще лучше, взять для преподаванія какое либо классическое Русское сочиненіе, напр. Царствованіе Іоанна Грознаго, изъ Исторіи Карамзина, или, можетъ быть, Димитрія Самозванца Булгарина.

даже сдѣлаетъ это, не думая о томъ, *но всегда будетъ въ состоянiи давать отчетъ.*

Дабы удостовѣриться, что воспитанникъ понимаетъ то, что онъ написалъ, и что онъ обо всемъ даетъ себѣ отчетъ, надобно сначала заставить его прочесть сочиненiе свое. При семъ первомъ чтенiи разсматривается сочиненiе только вообще. Потомъ заставляютъ его вторично прочесть оное, и давать отчетъ о фактахъ, на которыхъ онъ основывался; и наконецъ при третьемъ чтенiи надобно разсмотрѣть, употребилъ ли онъ всѣ слова въ надлежащемъ значенiи, и дать ему замѣтить всѣ ошибки противъ Русскаго языка. Для примѣра возьмемъ еще разъ вышепоказанное краткое сочиненiе о печали:

»Печаль есть чувство, которое мы испытываемъ при потерѣ кого либо, для насъ любезнаго; когда печалятся, то ищутъ уединенiя, перестаютъ восхищаться прелестными мѣстами; она внушаетъ страхъ тѣмъ, которые насъ окружаютъ.«

При первомъ чтенiи необходимо прiучать ученика читать громко и ясно, выговаривать всѣ слоги и слова, и, особенно, возвышать и понижать голосъ, сообразно съ смысломъ.

После втораго чтенiя, ученикъ, не дожидаясь вопросовъ, долженъ объяснить свое сочиненiе слѣдующимъ образомъ:

Я сказалъ: »печаль есть чувство,*) которое испытываемъ, при потерѣ кого либо для насъ любезнаго, потому, что я видѣлъ, что послѣ отшествія Улиссова, Калипса не могла утѣшиться,**) и т. д.

По прочтеніи сочиненія въ третій разъ, учитель можетъ, если онъ хочетъ, заставить ученика обозначить ему въ Телемакѣ всѣ слова и выраженія, кои онъ употребилъ; но онъ долженъ останавливаться только на тѣхъ, о коихъ онъ полагаетъ, что онъ ихъ употребилъ небрежно, или что они ему несовершенно знакомы.

Теперь, когда ученикъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы, когда онъ обобщиваетъ факты и оправдываетъ все то, что онъ говоритъ и пишетъ, остается только разнообразить сіи упражненія, и вести его по пріятной стезѣ такъ, чтобы онъ могъ писать по произволу обо всемъ, и, наконецъ, импровизировать.

---

*) Замѣтимъ здѣсь, что, по нашему мнѣнію, ученикъ только тогда будетъ умѣть показать высшее понятіе какого-либо слова, если учитель, при вопросахъ, обратилъ на сіе его вниманіе. *Пр. Изд.*

**) И здѣсь опытъ намъ показалъ, что, дабы довести учениковъ до подобныхъ объясненій, сначала необходимо нужны вспомогательные вопросы учителя. *Пр. Изд.*

И такъ мы объяснимъ теперь слѣдующіе роды упражненій:

1, Дѣлать подражанія;
2, Извлекать общія разсужденія изъ прочитанныхъ фактовъ;
3, Дѣлать синонимы словъ;
4, Дѣлать синонимы выраженій;
5, Дѣлать синонимы краткихъ сочиненій;
6, Дѣлать синонимы мыслей;
7, Дѣлать переложенія фактовъ;
8, Дѣлать разборъ содержанія какой либо статьи;
9, Развивать данныя мысли;
10, Отъискивать предметы переложенія;
11, Писать о какомъ либо литературномъ предметѣ;
12, Дѣлать подражанія мыслямъ;
13, Писать письма;
14, Дѣлать изображенія;
15, Дѣлать сравненія или параллели;
16, Дѣлать разсказы;
17, Повѣрять Грамматику;
18, Все во всемъ;
19, Писать обо всемъ, что учитель ни задастъ и въ опредѣленное время;
20, Импровизировать.

Въ каждомъ изъ сихъ упражненій мы обозначимъ, сколько возможно ясно, какъ долженъ поступать учитель, и примѣры будемъ брать всегда изъ сочиненій воспитанниковъ Всеобщаго Ученія.

Прежде, нежели мы приступимъ къ какому либо изъ нижеслѣдующихъ упражненій, должны предъувѣдомить отцевъ семействъ и учителей, чтобы они не упускали изъ вида повторенія всѣхъ шести книгъ, и чтенія прочихъ. До тѣхъ поръ, пока учитель будетъ руководствовать какого либо ученика, онъ долженъ продолжать повтореніе выученнаго и чтеніе; послѣдствіе покажетъ важность сего.

ПЕРВОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ДѢЛАТЬ ПОДРАЖАНІЯ.

Учитель велитъ ученику сдѣлать подражаніе, и предъувѣдомляетъ его, что въ этомъ упражненіи онъ, по возможности, долженъ употреблять только фразы или выраженія, помѣщенныя въ выученной имъ книгѣ; ибо, если можно дѣлать подражаніе, то ясно, что будутъ выражаться тѣ же самыя чувства, слѣдственно, тѣ же выраженія должны приличествовать къ обоимъ симъ обстоятельствамъ.

Положимъ, что ученикъ прочелъ уже первыя пятнадцать книгъ Телемака, то можно ему задать выраженіе безутѣшности Филоктета, употребляя притомъ фразы, которыя онъ видѣлъ въ книгѣ при выраженіи безутѣшности Калипсы.

Слѣдующее сочиненіе покажетъ, какимъ образомъ сіе должно быть сдѣлано.

ПОДРАЖАНІЕ.

»Филоктетъ не могъ утѣшиться о томъ, »что открылъ тайну смерти великаго Алкида, »которую обѣщался никогда не открывать. Въ »горести своей почиталъ себя болѣе несчастнымъ »чрезъ воспоминаніе о нарушеніи своей клятвы, »нежели потому, что столь безчеловѣчно былъ »оставленъ Греками, что Улиссъ ему измѣнилъ, »и что страдалъ столь ужасно отъ полученной »имъ раны. Въ пещерѣ его день и ночь раздавались его стѣнанія. Рыданія, произносимыя имъ »въ глубокой скорби, удаляли отъ него дикихъ »звѣрей, обитавшихъ прежде въ ужасной сей пе»щерѣ. Часто, въ усыпленіи, которое слѣдовало »за болѣзненными его припадками, ему предста»влялось собраніе боговъ на блестящемъ Олимпѣ. »Среди сего собранія онъ видѣлъ великаго Алкида, »окруженнаго лучами славы и сидящаго возлѣ пре-

»стола Юпитерова; но сіи образы боговъ, не толь-»ко не облегчали скорби его, а еще больше »возбуждали въ немъ печальное воспоминаніе о на-»рушеніи своей клятвы. Часто лежалъ онъ у бре-»га моря, и взоръ его безпрестанно обращался къ »той странѣ, гдѣ корабли Греческихъ Царей, раз-»сѣкая волны, отъ очей его сокрылись.«

По прочтеніи ученикомъ своего сочиненія, учитель дѣлалъ ему слѣдующіе вопросы:

В. — Что значитъ: дѣлать подражаніе?

О. — Это значитъ, разсказать что либо видѣнное по какому либо, взятому изъ книги, образцу, удерживая, по возможности, тотъ же самый порядокъ и употребляя тѣ же самыя выраженія.

В. — Почему сказали вы: *что открылъ тайну смерти великаго Алкида?*

О. — Филоктетъ самъ говоритъ: *Увы! я ужаснулся преступить клятву открытіемъ ему тайны* и пр.

В. — Почему: *которую обѣщался никогда не открывать?* —

О. — Это фактъ Исторіи. — Филоктетъ обѣщался не открывать никакому смертному, ни смерть великаго Алкида, ни мѣсто, гдѣ бренные останки его были сокрыты.

В. — Почему вы сказали: *нарушеніе своей клятвы?*

О. — Потому, что я вижу, что Филоктетъ такимъ образомъ называетъ преступленіе того, кто не сдерживаетъ своей клятвы.

В. — Почему: *что столь безчеловѣчно былъ оставленъ Греками, что Улиссъ ему измѣнилъ, и что страдалъ столь ужасно отъ полученной имъ раны?*

О. — Всѣ сіи факты находятся въ Исторіи Филоктета, въ началѣ пятнадцатой книги Телемака.

В. — Можно ли сказать по Русски: *óбразы боговъ?*

О. — Можно; ибо я помню, что сіе слово въ семъ смыслѣ употребляется въ томъ мѣстѣ, гдѣ Телемакъ видитъ Улисса во снѣ.

Должно, по возможности, разнообразить вопросы, дабы удостовѣриться, что ученикъ имѣетъ въ свѣжей памяти всѣ факты своей книги, и что онъ ни одного выраженія не употребилъ, не давъ себѣ въ томъ отчета.

Подражанія особенно полезны для того, чтобы ученикъ пріучался употреблять Русскія выраженія въ точномъ ихъ значеніи.

Ученикъ, подражая безутѣшности Калипсы, долженъ былъ, подобно сочинителю книги, употребить ораторскую уловку, называемую повтореніемъ. Онъ замѣтилъ, что сія фигура краснорѣ-

чія знакома всякому, что всѣ употребляютъ оную, когда они видятъ необходимость сообщать свои чувствованія.

Человѣкъ, будучи растроганъ, всегда говоритъ одно и тоже, и когда ему не достаетъ выраженій, онъ снова употребляетъ одни и тѣ же слова; онъ не довѣряетъ бѣглому впечатлѣнію, произведенному нѣсколькими знаками, которые, по его мнѣнію, кажутся ему слишкомъ недостаточными для сообщенія преизбыточныхъ своихъ чувствованій. Искуство есть только подражаніе природѣ; и, странная вещь, хотя и требуется только дѣлать то, что уже мы дѣлали, что всякій дѣлаетъ; не смотря на то, должно учиться искуству посредствомъ безпрерывнаго упражненія и вниманія, дабы разобрать, и такимъ образомъ частями врѣзать въ нашу память такое размышленіе, образецъ котораго часто представляютъ намъ въ совершеннѣйшемъ видѣ люди самые простые.

Учитель можетъ часто заставлять учениковъ своихъ дѣлать подобныя упражненія: они извлекутъ изъ оныхъ величайшую пользу.

ВТОРОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ИЗВЛЕКАТЬ ОБЩІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ ИЗЪ ЧАСТНЫХЪ ФАКТОВЪ.

Требуя съ ученика, чтобы онъ извлекалъ об-

щія разсужденія изъ частныхъ фактовъ, должно внушать ему, чтобы онъ довѣрялъ только памяти и внимательности своей, и чтобы не думалъ никогда извинять свою лѣность мнимымъ недостаткамъ своего понятія.

Онъ всегда можетъ разсматривать, что предъ нимъ находится, и когда онъ повторяетъ слова, вспоминая о фактѣ, сими словами означаемомъ, то онъ не можетъ не понять ихъ смысла.

Онъ можетъ дѣлать много разсужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, но часто дѣлаетъ оныхъ весьма мало; въ такомъ случаѣ должно всегда обвинять его лѣность; ибо, разсматривая внимательно и размышляя много, можно видѣть въ одномъ фактѣ множество вещей, кои ускользаютъ отъ нашего вниманія, если мы занимаемся поверхностно и торопливо. И въ самомъ дѣлѣ, задайте большому числу учениковъ сдѣлать разсужденіе объ одномъ и томъ же фактѣ, и всякой изъ нихъ увидитъ что нибудь, что ускользнуло отъ прочихъ; симъ должно воспользоваться для показанія ученикамъ, что если бы они болѣе думали, то многое бы увидѣли.

Для сего упражненія хорошо указывать ученикамъ на тѣ мѣста книги, изъ которыхъ они должны черпать свои разсужденія, дабы пріучать

ихъ не останавливаться на одной только мысли, и заставлять ихъ соображать факты для извлеченія изъ оныхъ, по возможности, большихъ сужденій.

Напримѣръ, ученикъ, на заданную ему тему: *написать сочиненіе о краснорѣчіи, соображаясь съ* 3, 4 *и* 5 §§ 1-*й книги Телемака*, написалъ слѣдующее:

»Краснорѣчіе есть искуство дѣйствовать на »душу человѣческую посредствомъ чувствъ, ко»торыя мы хотимъ возбудить въ ней, и преи»сполнить ее тѣми мыслями, которыя мы же»лаемъ въ нее вложить. Оно заключаетъ въ себѣ »нѣжность и могущество; нѣжностью оно оболь»щаетъ сердца; могуществомъ своимъ разрушаетъ »препятствія.«

»Какія средства употребляетъ краснорѣчіе, »дабы произвесть столь удивительныя дѣйствія? »Знаніе человѣческаго сердца и искуство слова: »вотъ вся тайна краснорѣчія.«

»Ему извѣстно, что воля человѣка есть и»гралище его страстей; посему оно искусно поль»зуется страстями, которыя служатъ ему какъ »бы рычагами, для преодолѣнія сопротивляющей»ся ему воли.«

»Краснорѣчіе ласкаетъ, обольщаетъ и привя»зываетъ; лесть исходитъ изъ устъ его такъ

»какъ будто оно никогда не имѣло намѣренія »льстить; краснорѣчіе говоритъ къ сердцу, занимаетъ и трогаетъ его.«

»Краснорѣчивый человѣкъ не тѣмъ нравится »слушателю своему, что онъ всегда представляетъ одинъ и тотъ же предметъ съ одной и »той же точки; онъ умѣетъ разнообразить мы»сли, имъ представляемыя, дабы не утомлять »вниманія; нѣсколько сильныхъ чертъ достаточ»но ему, чтобы изобразить факты, съ коими »онъ хочетъ ознакомить, и онъ умѣетъ избрать »себѣ въ картинахъ своихъ мѣсто, наиболѣе свой»ственное для того, чтобы заставить уважать »и любить себя за свое достоинство.«

»То, въ чемъ онъ хочетъ убѣдить другаго, »такъ естественно выводится изъ фактовъ, имъ »выставляемыхъ, что душа, исполненная удивле»нія и умиленія, увлекается, какъ бы по скату, »недопускающему остановки до той точки, до »коей ораторъ имѣлъ намѣреніе ее довести.«

»Примѣчаете ли вы изумленное молчаніе, ко»торымъ отвѣчаютъ на его рѣчь? Обращенный »на него взоръ не можетъ отъ него отстать. »Наконецъ, восхищенный слушатель, кажется, на»ходитъ опять слова только для того, чтобы »изъявить свое благоговѣніе къ тому краснорѣчи»вому человѣку, который его восхитилъ.«

По прочтенiи ученикомъ сего сочиненiя, онъ долженъ оправдать все, отвѣчая на вопросы учителя, какъ ниже слѣдуетъ:

В. — Чѣмъ вы докажете, что здѣсь есть краснорѣчiе?

О. — Калипса, исполненная удивленiя и умиленiя, при видѣ въ толь нѣжной юности толикаго разума и краснорѣчiя *).

В. — О какомъ фактѣ думали вы, говоря: *Есть искуство дѣйствовать на душу человѣческую посредствомъ чувствъ, которыя мы хотимъ возбудить въ ней?*

О. — Телемакъ, желая возбудить сожалѣнiе къ себѣ Калипсы, говоритъ: *Сжалься надъ нашимъ злополучiемъ* и пр.; а потомъ слѣдуетъ: *Калипса, исполненная умиленiя* и проч.

В. — Почему вы сказали: *И преисполнить ее тѣми мыслями, которыя мы желаемъ въ ее вложить?*

О. — Телемакъ хочетъ возродить въ Калипсѣ, которая сначала его худо приняла, мысль о-

---

*) Дабы читатели совершенно поняли сiе и послѣдующiя упражненiя, будемъ вполнѣ держаться Русскаго перевода Телемака, который, впрочемъ, если употреблять его для изученiя Русскаго языка, долженъ быть совершенно исправленъ, какъ то уже выше упомянуто было. — *Пр. Пер.*

казать ему гостепріимство, и дать ему извѣстіе о его родителѣ; и Калипса, въ самомъ дѣлѣ, наконецъ говоритъ: *Я извѣщу тебя о случившемся съ твоимъ родителемъ: гряди въ жилище мое* и проч.

В. — Почему: *Оно заключаетъ въ себѣ нѣжность и могущество; нѣжностью своею оно обольщаетъ сердца; могуществомъ своимъ разрушаетъ препятствія?*

О. — Калипса такъ приводится *въ умиленіе* отъ краснорѣчія Телемака, что не можетъ насытить очей своихъ его лицезрѣніемъ, и та, которая сначала говорила: *Никто не вступаетъ безъ наказанія въ мою державу*, услышавъ Телемака, говоритъ: *Гряди въ жилище мое* и проч.

В. — Оправдайте слова: *Какія средства употребляетъ краснорѣчіе, дабы произвесть столь удивительныя дѣйствія?*

О. — Я до сихъ поръ говорилъ только о томъ, что производитъ краснорѣчіе: сими словами я хочу показать, что буду разсматривать, какимъ образомъ оно достигаетъ цѣли своей; и, употребляя вопросъ, я слѣдую ходу рѣчи Телемака, прерванной вопросомъ: *Кто же твой родитель?*

В. — На какомъ основаніи вы сказали: *Знаніе человѣческаго сердца?*

О. — На основаніи рѣчи Телемака, который льститъ Калипсѣ, дабы приготовить ее къ просьбѣ своей, говоря: *Хотя по виду твоему не можно признавать тебя, какъ токмо за божество; пребудешь ли нечувствительна къ несчастію сына* и проч.; *сжалься надъ нашимъ злополучіемъ, и если знаешь, о богиня*, и проч.; *удостой извѣстить* и проч.

В. — Почему вы сказали: *И искуство слова?*

О. — Я сказалъ такъ на основаніи того, что Телемакъ искусно употребляетъ слова.

В. — Вы говорите: *Вотъ вся тайна краснорѣчія?*

О. — Все, что я видѣлъ въ рѣчи Телемака, относится только къ симъ двумъ предметамъ, и я хотѣлъ обратить вниманіе на то, что я сказалъ, намѣреваясь развить сіи идеи.

В. — Почему вы сказали: *Ему извѣстно, что воля человѣка есть игралище его страстей?*

О. — Воля богини перемѣнилась, когда Телемакъ польстилъ ея самолюбію.

В. — Почему: *Онъ искустно пользуется страстями, которыя служатъ ему, какъ бы рычагами, для преодолѣнія сопротивляющейся ему воли?*

О. — Слова: *Смертная или богиня, хотя по виду твоему* и проч.; *пребудешь ли нечувстви-*

тельна къ несчастію сына, внушили мнѣ сію мысль.

В. — Краснорѣчіе ласкаетъ, обольщаетъ и привязываетъ?

О. — Краснорѣчіе ласкаетъ, это основывается на тѣхъ же словахъ; *обольщаетъ* сказалъ я на основаніи вопроса Калипсы (*кто же твой родитель, котораго ищетъ?*), чрезъ что она обнаруживаетъ интересъ, который она вдругъ принимаетъ въ словахъ Телемака; оно *привязываетъ* сказалъ я на основаніи отвѣта Калипсы: *Гряди въ жилище мое, гдѣ приму тебя какъ сына своего; гряди* и проч.

В. — Лесть исходитъ изъ устъ его такъ, какъ будто она никогда не имѣла намѣренія льстить?

О. — Смертная или богиня, хотя по виду твоему не можно признавать тебя какъ токмо за божество. Телемакъ, кажется, старается узнать, кто она, и, не будучи въ состояніи назвать ее по имени, описываетъ ее самымъ лестнымъ образомъ въ ея глазахъ.

В. — Оно говоритъ сердцу?

О. — Пребудешь ли нечувствительна къ несчастію сына и пр.; *сжалься надъ нашимъ злополучіемъ.*

В. — Занимаетъ его?

О. — Калипса, исполненная удивленія и умиленія.

В. — Красноричивый человѣкъ не тѣмъ нравится слушателю своему, что онъ всегда представляетъ одинъ и тотъ же предметъ съ одной и той же точки?

О. — Предметъ рѣчи Телемака есть испрашиваніе себѣ гостепріимства, но онъ говоритъ прежде Калипсѣ о ней самой, потомъ о себѣ, о несчастіи отца своего, объ отчаяніи матери. Слово *нравится* оправдываю я впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Калипсѣ краснорѣчіемъ Телемака.

В. — Онъ умѣетъ разнобразить мысли, имъ представляемыя, дабы не утомлять вниманія?

О. — Это только повтореніе сказаннаго мною прежде, и посему оправдывается тѣми же словами изъ книги.

В. — Нѣсколько сильныхъ чертъ достаточны ему, чтобы изобразить факты, съ коими онъ хочетъ ознакомить?

О. — Калипса спрашиваетъ Телемака, кто его родитель. Онъ въ отвѣтѣ своемъ вкратцѣ выставляетъ славу, храбрость и мудрость Улисса; онъ такимъ же образомъ изображаетъ злополучія родителя своего, также собственныя свои, и похвальныя побудительныя причины оныхъ.

Онъ довольствуется сими немногими словами для разительнаго выраженія всего этого.

В. — И онъ умѣетъ избрать себѣ въ картинахъ своихъ мѣсто, наиболѣе свойственное для того, чтобы заставить уважать и любить себя за свое достоинство?

О. — Сына, который, отыскивая отца своего посреди вѣтровъ и волнъ, видѣлъ свой корабль, сокрушившимся о скалы твоего острова. — Пенелопа, супруга, и я, сынъ его, лишились надежды когда либо узрѣть его. Я странствую въ равныхъ, какъ и онъ, опасностяхъ, для узнанія, гдѣ пребываетъ. Телемакъ изображаетъ себя, какъ достойную вниманія жертву сыновней любви. Онъ остерегается упоминать о томъ, въ чемъ бы можно было упрекнуть его, касательно отъѣзда его изъ Итаки.

В. — То, въ чемъ онъ хочетъ убѣдить другаго, такъ естественно выводится изъ фактовъ?

О. — Я видѣлъ, что заключеніе есть только повтореніе сказаннаго прежде; *сжалься надъ нашимъ злополучіемъ*, есть повтореніе мыслей, заключающихся въ словахъ: *пребудешь ли нечувствительна къ несчастію сына* и пр., и въ тоже время есть намѣкъ на слова: *я странствую въ равныхъ, какъ и онъ, опасностяхъ.* Остальная

часть рѣчи только другими словами выражаетъ тоже, что слова: *для узнанія, гдѣ пребываетъ.*

В. — *Что душа, исполненная удивленія и умиленія, увлекается какъ бы по скату, недопускающему остановки до той точки, до коей ораторъ имѣлъ намѣреніе ее довести?*

О. — Калипса, исполненная удивленія и умиленія, отвѣчаетъ Телемаку: *Я извѣщу тебя о случившемся съ твоимъ родителемъ* и пр.; *время успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ: гряди въ жилище мое* и пр.

В. — Оправдайте слова: *примѣчаете ли вы удивленное молчаніе, которымъ отвѣчаютъ на его рѣчь?*

О. — *Калипса, исполненная удивленія и умиленія, пребывала въ молчаніи.* Впрочемъ, я употребилъ вопросъ для разнообразія слога, подражая въ семъ Телемаку, который въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи говоритъ: *но что вѣщаю? можетъ быть* и пр. Я старался подражать ходу сей рѣчи.

В. — *Обращенный на него взоръ не можетъ отъ него отстать?*

О. — *Богиня не могла насытить очей своихъ его лицезрѣніемъ.*

В. — *Наконецъ восхищенный слушатель, кажется, находитъ опять слова только для того,*

чтобы изъявить свое благоговѣніе къ тому краснорѣчивому человѣку, который его восхитилъ? —

О. — Весь пятый параграфъ первой книги далъ мнѣ поводъ къ сему разсужденію.

Послѣ сего оправдыванія учитель требуетъ еще, чтобы ученикъ оправдалъ употребленныя имъ слова и выраженія.

Можно обозначить ученику мѣсто изъ книги, и спросить его, что онъ въ ономъ видитъ. Напримѣръ, заставьте его прочесть изъ седьмой книги Телемака нижеслѣдующее:

»Калипса слушала сіи слова съ такимъ смущеніемъ, котораго сокрыть была не въ состояніи: ея блуждающія очи непрестанно обращались отъ Ментора на Телемака и отъ Телемака на Ментора. Иногда желала она, чтобы Телемакъ опять началъ сію продолжительную повѣсть своихъ приключеній; потомъ прерывала вдругъ свое желаніе. Наконецъ, возставъ стремительно, повела Телемака одного въ миртовую рощу, и всѣми мѣрами старалась узнать отъ него, не есть ли Менторъ божество сокровенное во образѣ человѣка. Телемакъ не могъ ей возвѣстить сего, ибо Минерва, сопровождая его во образѣ Ментора, въ томъ не открылась ему, по причинѣ весьма младыхъ лѣтъ его. Она еще не довольно полагалась на его скромность, чтобы

»открыть ему свои намѣренія. Сверхъ того желала искусить его въ величайшихъ бѣдствіяхъ; »а ежели бы онъ зналъ, что съ нимъ находится »Минерва, таковая помощь послужила бы ему излишнимъ подкрѣпленіемъ; онъ не имѣлъ бы никакой трудности презирать ужаснѣйшіе случаи. »И такъ почиталъ Минерву Менторомъ; и всѣ »Калипсины ухищренія къ открытію того, что »знать желала, были безполезны.«

»Между тѣмъ собравшіяся окрестъ Ментора »нимфы, съ удовольствіемъ его вопрошали. Одна »о обстоятельствахъ его путешествія въ Еѳіо»пію, другая хотѣла знать, что онъ видѣлъ »въ Дамаскѣ; иная говорила ему, зналъ ли онъ »Улисса прежде, до осажденія Трои. Онъ отвѣт»ствовалъ имъ съ кротостію, и слова его хотя »были простыя, но исполненны пріятностію.

»Калипса не допустила ихъ продолжать сію »бесѣду; она возвратилась, и когда нимфы начали рвать цвѣты, воспѣвая для увеселенія Теле»мака пѣсни; тогда она отвела Ментора въ сто»рону, для собесѣдованія съ нимъ. Нѣжные пары »сна не вливаются съ толикою сладостію въ »отягченныя очи и во всѣ утружденные члены »изнуреннаго человѣка, какъ стремились льстивыя »слова богини внѣдриться въ сердце Менторово »для обвороженія его: но она все чувствовала нѣ-

»что такое, что отражало всѣ усилія, и разру»шало ея обольщенія. Подобясь крутой горѣ, »скрывающей въ облакахъ чело свое, и презирающей ярость вѣтровъ, Менторъ былъ неподви»женъ въ мудрыхъ своихъ намѣреніяхъ, и не воз»бранялъ Калипсиныхъ понужденій. Иногда пода»валъ ей даже надежду, что она приведетъ его свои»ми вопросами въ смятеніе, и исторгнетъ исти»ну изъ глубины его сердца: но въ самое то вре»мя, какъ думала она удовлетворить своему лю»бопытству, надежда ея изчезала; все, что мни»ла уже имѣть въ рукахъ своихъ, вдругъ у нее »исторгалось; и краткій отвѣтъ Менторовъ по»вергалъ ее въ прежнюю неизвѣстность.

»Такъ она провождала дни, то лаская Теле»мака, то изыскивая способы отлучить его отъ »Ментора, котораго уже не надѣялась склонить »къ бесѣдованію. Побуждала прелестнѣйшихъ нимфъ »возжечь огнь любви въ сердцѣ юнаго Телема»ка; и божество могущественнѣе паче ея при»текло къ ней на помощь, да въ томъ она преу»спѣетъ.«

Нѣкоторые изъ учениковъ на вопросъ, что они видятъ въ приведенномъ семъ мѣстѣ изъ книги, отвѣчали: *смущеніе;* другіе, *любопытство;* иные, наконецъ, *хитрость.*

1-е СОЧИНЕНІЕ.

Смущеніе.

»Смущеніе происходитъ отъ сомнительности »въ мысляхъ, быстро однѣ за другими слѣдую»щихъ и сталкивающихся между собою. Сіе вну»треннее безспокойствіе духа сообщается наруж»но даже въ самомалѣйшихъ дѣйствіяхъ; ибо оно »проявляется во взорѣ, въ пріемахъ и словахъ. »Тщетно употребляютъ всѣ возможныя уловки, »чтобы ускользнуть отъ вниманія другихъ; все»гда сквозится, незнаю что-то безпокойное, об»наруживающее чувствительное несогласіе между »сими стараніями и истиннымъ состояніемъ ду»ши. Сей родъ судорожнаго состоянія, кажется, »выше воли, и прекратиться можетъ только съ »причиною, его производящею. Смотрите — ли »вы? И колеблющійся взоръ вашъ, блуждая какъ»бы безъ цѣли, только измѣняетъ вамъ. Гово»рите — ли вы? И неопредѣленныя слова ваши, »внезапно прерываемыя, опять измѣняютъ вамъ; »и если вы надѣетесь найти наружный видъ спо»койствія въ перемѣнѣ положенія или мѣста, то »рѣзкія невольныя движенія ваши опять служатъ »доказательствомъ безспокойныхъ чувствъ, васъ »тревожащихъ.«

Ученикъ оправдалъ сочиненіе свое слѣдующими фразами:

Она всѣми мѣрами старалась узнать отъ Телемака, не есть ли Менторъ и пр. *Блуждающія ея очи* и пр. *Иногда желала она, чтобы Телемакъ* и пр. *Потомъ прерывала вдругъ* и пр. *Она возвратилась, и когда нимфы* и пр.

2-е СОЧИНЕНІЕ.

Любопытство.

»Любопытство есть желаніе узнать что ли»бо: это невольное движеніе, которое побуж»даетъ человѣка открывать сущность возмож»ныхъ отношеній между нимъ и тѣмъ, что его »окружаетъ. Изъ сего выходитъ, что это есть »родъ общей связи, которая, соединая людей ме»жду собою, заставляетъ ихъ обобщивать мы»сли и чувства, скорби и радости. Чрезъ любо»пытство, чужія познанія мы присоединяемъ къ »собственнымъ своимъ; мы увеличиваемъ объемъ »существованія нашего жизнію и опытами дру»гихъ. Такъ, нѣкоторымъ образомъ, пріобрѣ»тается рядъ идей, который дѣлается сопри»частнымъ каждому; и чрезъ сіе стремленіе къ »узнаванію, мы проникаемъ въ страны самыя »неизвѣстныя и сближаемся съ временами самыми »отдаленными.«

»Разсматривая любопытство съ этой точ-

»ки, оно только достойно похвалы, и, въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, когда цѣль его есть научиться чему нибудь, надобно смотрѣть на него, какъ на полезное качество; но коль скоро »оно переходитъ надлежащіе предѣлы, коль скоро »оно съ цѣлію, достойной порицанія, и посредствомъ ухищреній старается вникнуть въ сокровенныя тайны сердецъ, тогда оно дѣлается »крайностію, и таковое любопытство есть »порокъ.«

»Во всякомъ случаѣ нужно много искуства, »дабы вникнуть въ мысли другихъ; и искуство »спрашивать есть рѣдкій даръ: въ высочайшей »степени примѣчаемъ мы оный въ женщинахъ, »которыя почти всѣ знакомы съ труднымъ искуствомъ заставлять сказать себѣ то, что онѣ »хотятъ знать; простыя, но любезныя слова »ихъ вкрадываются въ самые глубокіе изгибы души; и если мы не сама мудрость, то не возможно противиться прельщенію ихъ вопросовъ.«

Ученикъ оправдалъ написанное имъ слѣдующими фразами: *Между тѣмъ, собравшіяся окрестъ* и пр. *Одна о обстоятельствахъ путешествія* и пр. *Другая хотѣла знать*, и пр. *Иная говорила ему, зналъ ли* и пр. *Но въ самое то время, когда думала она удовлетворить* и пр.

СОЧИНЕНІЕ.

Хитрость.

»Подъ словомъ хитрость означается употре»бленіе косвенныхъ средствъ для достиженія ка»кой либо цѣли; и средства сіи должны быть »столь вѣрно соединены, чтобы чрезъ оныя от»нюдь не проникали ни чувства, ни истинныя »намѣренія того, кто ихъ приводитъ въ дѣй»ствіе. Такимъ образомъ, успѣхъ хитрости, хо»тя всегда трудный, зависитъ, не смотря на »то, отъ соединенія многихъ высокихъ качествъ, »какъ напримѣръ: присутствія духа, ловкости и »настойчивости.«

»Присутствіе духа нужно для быстраго взвѣ»шиванія всѣхъ обстоятельствъ, и для восполь»зованія оными. Ловкость даетъ средство при»нимать всѣ формы, приличныя видамъ нашимъ, и »вывертываться изъ затрудненій, которыя встрѣ»чаются; между тѣмъ какъ успѣхъ въ намѣре»ніяхъ обезпечивается безпрерывною настойчи»востію.«

»Прибавьте къ сему тайну, умѣть возбуж»дать страсти по произволу, и вы имѣете крат»кій очеркъ хитраго человѣка.«

Все сіе оправдалъ ученикъ слѣдующими фразами: *Наконецъ возставъ стремительно* и пр. *Ко-*

гда нимфы начали рвать цвѣты, воспѣвая для увесленія Телемака пѣсни, тогда и т. д. *Нѣжныя пары сна не вливаются съ толикою сладостію* и т. д. *Такъ она провождала дни* и т. д. *Побуждала прелестнѣйшихъ нимфъ* и т. д.

Вотъ примѣры, показывающіе, что можно заставить сдѣлать ученику, велѣвъ ему прочесть со вниманіемъ какой либо отрывокъ изъ Телемака, и побуждая его наименовать тѣ обстоятельства, которыя ему показались достопримѣчательнѣйшими, и выразить мысли свои объ оныхъ.

Когда ученикъ привыкнетъ къ сему роду сочиненій, то весьма хорошо упражнять его въ томъ, чтобы онъ свободно изъяснялся о различныхъ предметахъ. Самое трудное есть, заставить ученика говорить; но когда сопротивленіе его однажды побѣждено, когда его убѣдятъ, что столь-же легко изустно выразить мысли свои, какъ и письменно, то онъ не будетъ чуждаться сего, и привыкнетъ такимъ образомъ приводить мысли свои въ порядокъ прежде, нежели онъ ихъ выразитъ.

Надъ симъ упражненіемъ преимущественно должно долѣе останавливаться, ибо прочія суть только распространеніе онаго, посредствомъ котораго ученикъ долженъ привыкать хорошо наблюдать, сравнивать и различать, писать и гово-

рить свободно, не отступая никогда отъ своего предмета.

ТРЕТІЕ УПРАЖНЕНІЕ.

СИНОНИМЫ СЛОВЪ.

Наименовать сходство и различіе, заключающіяся въ словахъ, кои употребляются въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, нами внимательно замѣченныхъ: вотъ что называется дѣлать синонимы. Посему ищите слова въ Телемакѣ, задавайте ученикамъ вашимъ дѣлать синонимы, но болѣе всего требуйте притомъ, чтобы они много размышляли, и чтобы они мѣстами изъ книги доказывали, что они понимаютъ то, *о чемъ они написали.* Симъ средствомъ они привыкнутъ управлять мыслями своими, и писать легко и пріятно.

Дайте вашему ученику два слова; напримѣръ: *предпочитать* и *избирать.* Спросите его, въ какихъ мѣстахъ книги онъ видѣлъ сіи слова.

Если онъ размышлялъ, то онъ вамъ сряду скажетъ слѣдующія фразы Телемака, — а именно:

»— Успокоевался по вечеру, слушая ученыхъ »мужей, или бесѣдуя съ честнѣйшими вельможа»ми, каковыхъ умѣлъ *избирать* къ допущенію въ »свое содружество (2 кн. 12 §).«

»— Что же ты тогда сдѣлалъ, ибо въ Си-»циліи *предпочиталъ* смерть рабству?« (2 кн. 19 §).

»— Я не имѣлъ уже и бѣднаго утѣшенія *из-»бирать* рабство или смерть (2 кн. 20 §).«

»— ..... И мудрость мужей, *предпочитающихъ* »славу веселіямъ (2 кн. 29 §).«

»— ..... И оставимъ человѣкамъ примѣръ *пред-»почитать* непорочную добродѣтель долговремен-»ной жизни (3 кн. 35 §).«

»— Но Критяне, не имѣя уже Царя, обла-»дающаго ими, вознамѣрились *избрать* такого, »который соблюдалъ бы во всей святости уста-»новленные законы (5 кн. 19 §).«

»— Вотъ мѣры, предпріятыя ими для сего »*избранія* (5 кн. 19 §).«

»— Третьимъ вопросомъ предложено: кто »изъ двухъ *предпочтительнѣе?* (5 кн. 32 §).«

»— Бо́льшая часть отвѣчала, что Царь »миролюбивый *предпочтительнѣе* (5 кн. 32 §).«

»— Другіе утверждали, что *предпочтитель-»нѣе* Царь миролюбивый (5 кн. 32 §).«

»— ..... То я сего *предпочитаю* первому (5 кн. 33 §).«

»— ..... Ибо́ большая часть людей, ослѣ-»пленныхъ блистательными дѣлами, какъ то, по-»бѣдами и завоеваніями, *предпочитаютъ* оныя то-»му, что просто, спокойно (5 кн. 37 §).«

» — Что касается до меня, *предпочитаю* мое »отечество, скудный и малый островъ Итаку »(6 кн. 3 §).«

» — Вамъ должно *избрать* въ Царя не того, »кто лучше разсуждаетъ о законахъ, но кто ис»полняетъ ихъ съ постояннѣйшею добродѣтелію »(6 кн. 5 §).«

» — Ищите человѣка, который бы имѣлъ ва»ши законы, начертанные во глубинѣ своего серд»ца; . . . . . пусть его дѣла болѣе словъ опредѣлятъ »вашъ *выборъ* (6 кн. 5 §).«

» — Объявилъ, что *предпочитаетъ* пріятность »простой жизни блеску Царскаго вѣнца (6 кн. 8 §).«

» — Тогда Критяне вопросили его, кого имъ »*избрать* въ Царя? (6 кн. 9 §).«

» — Скажи намъ, кого возможемъ *избрать* се»бѣ въ Царя: не отступимъ отъ тебя, доколѣ »насъ не наставишь, какъ намъ совершить сіе »*избраніе* (6 кн. 13 §).«

» — Нѣтъ, да не узришь никогда твоего о»течества, сей бѣдной и презрѣнной Итаки, ко»торую не устыдился ты *предпочесть* безсмер»тію (7 кн. 19 § §).«

» — . . . . И отмщеніемъ Парису, который »*предпочелъ* мою красоту красотѣ ея (9 кн. 5 §).«

» — Вотъ миръ и война: *избирай* (10 кн. »5 §).«

По мѣрѣ того, какъ ученикъ именуетъ фразу, содержащую въ себѣ одно изъ означенныхъ словъ, вспоминаетъ онъ и обстоятельства, въ которыхъ сіи слова употребляются; за симъ велите ему наконецъ написать сочиненіе о словахъ *предпочитать* и *избирать*, съ тѣмъ, чтобы онъ не отступалъ отъ фактовъ, которые онъ вамъ обозначилъ.

СОЧИНЕНІЕ.

Предпочитать и избирать.

»Оба слова сіи выражаютъ идею: дать чему »либо преимущество.«

»*Избраніе* есть *предпочтеніе* чего либо или »вкусомъ или разумомъ; мы избираемъ, когда мы »беремъ одну какую-либо вещь, чтобъ оставить »другую.«

»*Предпочтеніе* есть чувство, есть *избраніе* »сердца, которое побуждаетъ ставить одинъ ка»кой-либо предметъ выше другаго.«

»*Избраніе* чего-либо не всегда отъ насъ зави»ситъ; не во всѣхъ случаяхъ можемъ мы взять »то, чему мы даемъ преимущество. Иногда даже »мы бываемъ принуждены избирать изъ двухъ ка»кихъ-либо предметовъ тотъ, который про»тивенъ нашему вкусу; въ такомъ случаѣ мы »изъ двухъ золъ *предпочитаемъ* одно, и *избираемъ* »меньшее.

»Напротивъ того, ничто не можетъ останавливать насъ, *предпочитать* одинъ какой либо »предметъ другому; *предпочтеніе* независимо отъ »людей и обстоятельствъ: и въ самомъ дѣлѣ, »кто могъ бы препятствовать намъ *предпочесть* »какой либо предметъ другому?«

»Часто разумъ совѣтуетъ намъ *избраніе* чего-»либо на перекоръ *предпочтенію* нашему. Хорошо »для собственнаго употребленія *избирать* проч-»нѣйшее, хотя мы и будемъ *предпочитать* бле-»стящее.«

»Для *избранія* достаточно одного мгновенія, »но *предпочтеніе* чего-либо, такъ сказать, съ »нами раждается, съ нами возрастаетъ.«

»Легко познавать кого-либо потому, что »онъ *предпочитаетъ*, но, если мы не хотимъ »ошибаться, то рѣдко должны судить о комъ-»либо потому, что онъ *избираетъ*.«

»Человѣкъ добродѣтельный, находясь въ за-»труднительномъ положеніи, не слѣдуетъ роб-»кимъ совѣтамъ расчетливости; онъ *избираетъ* »то, что ему кажется совмѣстнымъ съ честію, »ибо онъ *предпочитаетъ* смерть безчестію.«

ОПРАВДЫВАНІЕ СКАЗАННАГО.

В. — Почему: *оба сіи слова выражаютъ идею, дать чему либо преимущество?*

О. — Сезострисъ къ допущенію въ свое содружество давалъ преимущество честнѣйшимъ вельможамъ, и умѣлъ *избирать* ихъ. Телемакъ въ Финикіи лучше хотѣлъ умереть, нежели солгать, онъ въ семъ случаѣ даетъ преимущество смерти, ибо онъ *предпочитаетъ* непорочную добродѣтель долговременной жизни.

В. — Почему: *избраніе есть предпочтеніе чего-либо или вкусомъ или разумомъ; мы избираемъ, когда мы беремъ одну какую либо вещь, чтобъ оставить другую?*

О. — Я думалъ о Сезострисѣ и о Критянахъ, когда они избирали Царя и пр.

В. — Почему: *предпочтеніе есть чувство, есть избраніе сердца, которое побуждаетъ насъ ставить одинъ какой-либо предметъ выше другаго?*

О. — Телемакъ ставитъ непорочную добродѣтель выше долговременной жизни.

В. — Почему: *избраніе чего-либо не всегда отъ насъ зависитъ* и пр.?

О. — Телемакъ говоритъ: *Я не имѣлъ уже и бѣднаго утѣшенія избирать рабство или смерть.* Остальное написалъ я на основаніи различія, которое Телемакъ дѣлаетъ между Царемъ завоевателемъ и Царемъ миролюбивымъ.

В. — *Напротивъ того, ничто не можетъ о-*

станавливать насъ предпочитать одинъ какой-либо предметъ другому и пр.?

О. — Ко всѣмъ симъ размышленіямъ также дала мнѣ поводъ исторія Телемака: я видѣлъ, что онъ не всегда былъ воленъ избирать, но ничто не препятствовало ему предпочитать что-либо и пр.

В. — Почему: *человѣкъ добродѣтельный, находясь въ затруднительномъ положеніи, не слѣдуетъ робкимъ совѣтамъ расчетливости; онъ избираетъ то, что ему кажется наиболѣе совмѣстнымъ съ честію, ибо онъ предпочитаетъ смерть безчестію?*

О. — Телемакъ не слушаетъ совѣтовъ, которые даетъ ему Нарбалъ для спасенія своего: онъ лучше хочетъ умереть, нежели обезчестить себя нарушеніемъ истины.

Вотъ какимъ образомъ ученики должны дѣлать синонимы. Они должны часто повторять сіе упражненіе; и когда они поняли оное надлежащимъ образомъ и дѣлаютъ безъ затрудненія, то слѣдуетъ имъ показать, что сочинители, писавшіе о семъ предметѣ, поступали, какъ они поступаютъ, и что если тѣ въ сочиненіяхъ своихъ дѣйствовали болѣе систематически, то причиною тому, что они занимались съ большимъ терпѣніемъ и вниманіемъ, отъ чего они

могли познать и выразить бо́льшее количество отношеній.

Возьмемъ для доказательства примѣръ изъ Опыта Словаря Русскихъ Синонимовъ, изд. Калайдовичемъ:

Всегда, непрестанно.

»Всегда значитъ во всякое время, при вся»кихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. Непре»станно значитъ безъ остановки, безъ прерыва»нія. Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ »непрестанно; но тотъ, кто пишетъ всегда хо»рошо.«

За симъ заставьте ученика вашего находить въ Телемакѣ факты, оправдывающіе каждую фразу Г. Калайдовича, и онъ безъ сомнѣнія отвѣтитъ вамъ слѣдующимъ образомъ:

Авторъ сказалъ: *всегда значитъ во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи.* Въ третьей книгѣ Телемака, на 10 стр., сказано: »Недовѣряй самому себѣ и *всегда* внимай моимъ »совѣтамъ.« Въ третьей книгѣ на 66 стр.: »И »мрачныя печали изображены на лицѣ его, *всегда* »покрытомъ морщинами.« На 65 страницѣ: »Жа»лѣетъ о всемъ, что ни даетъ, и *всегда* боится »утраты.« Въ сей же книгѣ, на 68 стр.: »Онъ »дѣлаетъ все, что повѣлятъ свирѣпыя его стра-

»сти; *всегда* увлекается сребролюбіемъ, страхомъ, »подозрѣніями.« Въ сей же книгѣ, на 87 стр.: »Какъ-бы то ни было, только *всегда*-бы я вѣщалъ »истину.« Въ четвертой книгѣ, на 107 стр.: »Сія радость *всегда* чиста и одинакова, ничто »истощить ее не можетъ.« Въ пятой книгѣ на 104 стр.: »Притомъ долговременныя войны *все-* »*гда* влекутъ за собою многія неустройства.» Въ той же книгѣ, на 159 стр.: »Истинная бодрость »*всегда* находитъ нѣкое пособіе.«

Непрестанно значитъ безъ остановки, безъ прерыванія. Въ первой книгѣ Телемака, на 3-й стр. сказано: »Калипса *непрестанно* обращалась къ »той странѣ,« т. е. она не во всякое время обращалась къ той странѣ, но въ сіе время обращалась *безъ прерыванія.* Въ третьей книгѣ, на 66 стр., сказано: »Глубокіе глаза его наполнены »сильнымъ свирѣпымъ огнемъ, и *непрестанно* обра- »щаются во всѣ стороны!« Въ шестой книгѣ, на 149 стр., сказано: »Сперва на него не смотрѣли »по причинѣ... его *непрестаннаго* почти молчанія, »хладнаго и скромнаго вида.« Въ третьей книгѣ, на 73 стр.: »Женщины, или прядутъ *непрестан-* »*но* волну, или дѣлаютъ узоры для швенія и пр.«

Оправданіе сихъ синонимовъ доказываетъ, что *Все во всемъ*, ибо Г. Калайдовичъ вѣрно не думалъ о Телемакѣ, когда онъ писалъ сіи синонимы; но

дабы выразить тѣ-же идеи, которыя выразилъ Фенелонъ, къ сему нужно было ему имѣть въ виду подобные факты.

ЧЕТВЕРТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

СИНОНИМЫ ВЫРАЖЕНІЙ.

Учитель задаетъ дѣлать синонимы выраженій; напримѣръ:

Объятъ печалью;
Удрученный печалью;
Погруженный въ печаль.

Ученикъ, подумавъ, пишетъ:

»Сходство сихъ выраженій заключается въ »идеяхъ о печали, ими представляемыхъ; но от»тѣнки между ними велики и различны, онѣ за»висятъ отъ разнаго объема и какъ-бы различ»ныхъ степеней печали.«

»*Объятъ печалью:* означаетъ печаль, кото»рая вдругъ находитъ, которая вдругъ пости»гаетъ душу, и овладѣваетъ ею въ то мгнове»ніе, когда она не была къ тому приготовлена.«

»*Удрученный печалью:* это выражаетъ печаль, »превосходящую силы и убивающую духъ.«

»*Погруженный въ печаль:* представляетъ боль»шой объемъ печали, окружающій душу, и от»вращающій отъ нее всякое другое впечатлѣніе.«

»Человѣкъ, *объятый печалью*, можетъ находить еще какое-либо облегченіе отъ своей печали; если-же онъ *удрученъ печалью*, то ничто »его не можетъ утѣшить; онъ даже уклоняется »отъ всего, что, казалось, могло-бы уменьшить »его печаль. Но когда онъ *погруженъ въ печаль*, »то какой-то мрачный нравъ проникаетъ въ его ду»шу, и вселяетъ въ его какой-то духъ проти»ворѣчія, мнительности противъ собственныхъ »своихъ чувствъ. Какимъ образомъ можно успо»коить душу въ сихъ различныхъ состояніяхъ пе»чали? — Представьте предъ человѣка, *объятаго* »*печалію*, предметы новые, неожиданные; пока»жите *удрученному печалію* нѣжное участіе друж»бы, или даже строгія увѣщанія мудрости; нако»нецъ, человѣка *погруженнаго въ печаль*, успокоить »легче всего чрезъ благосклонную бесѣду съ нимъ »человѣка спокойнаго и терпѣливаго, или-же пред»ставляя ему живую картину великаго бѣдствія.«

Ученикъ оправдываетъ сіе сочиненіе слѣдующими фразами изъ Телемака:

— Но Калипса, усмотрѣвъ, что онъ не могъ вкушать и *объятъ печалію*, подала знакъ нимфамъ. (Книга I, стр. 11.)

— Когда нашелъ ее одну оставленную и *погруженную въ печаль*. (Часть II. стр. 114.)

— Потомъ является и Ферецидъ, старецъ,

не столько *удрученный* числомъ лѣтъ, сколько печалью, что пережилъ Гиппія, воспитаннаго имъ съ самаго его дѣтства. (Часть II. стр. 129.)

— Во время сей Менторовой бесѣды Телемакъ былъ *погруженъ* въ печаль и прискорбіе. (Часть II. стр. 319.)

Онъ оправдываетъ сочиненіе сіе еще другими фактами изъ книги, кои излишне было-бы здѣсь именовать, ибо они должны быть читателю извѣстны, если онъ читалъ Телемака.

ПЯТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

СИНОНИМЫ СОЧИНЕНІЙ.

Прежде нежели предложатъ ученику сіи синонимы, должно удостовѣриться, что онъ знаетъ наизустъ всѣ шесть книгъ, и что ему извѣстны всѣ прочія упражненія, сдѣланныя надъ сими книгами, равно и темы сочиненій, кои въ нихъ заключаются. Сверхъ сего онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать разборъ темъ для сочиненій, заключающихся во всѣхъ двадцати четырехъ книгахъ; т. е. разсказать краткое содержаніе оныхъ; и тогда-то будутъ встрѣчаться безпрестанные случаи къ сближеніямъ и сравниваніямъ.

Синонимы сочиненій могутъ быть сдѣланы или изустно, или письменно: изустно составлен-

ные, они еще больше принесутъ пользы; ибо тотъ, который умѣетъ изустно дѣлать всѣ наши упражненія, умѣетъ и писать; но обратно не всегда бываетъ такъ. Должно замѣтить, что ученикъ, когда ему хорошо извѣстны факты, будетъ говорить хорошо обо всемъ, если онъ хорошо говоритъ о Телемакѣ, Идоменеѣ и проч., ибо *Все во всемъ*, и мы всѣ въ одинаковыхъ случаяхъ всегда говоримъ одно и тоже самое.

Вотъ какимъ образомъ дѣти должны разбирать темы сочиненій, заключающіяся въ двадцати четырехъ книгахъ; возьмемъ первыя три книги, прочія могутъ быть разобраны такимъ же образомъ.

Первая книга: *сѣтованіе, хитрость, просьба, приглашеніе, мѣстоположеніе, приглашеніе, совѣты, трапеза, приглашеніе, предложеніе, просьба, совѣты, буря, искуство, встрѣча, опасность (быть принесеннымъ въ жертву), предсказаніе, вторженіе, сраженіе, побѣда.*

Вторая книга: *встрѣча, плѣненіе, мѣстоположеніе, наставленіе, уныніе, мѣстоположеніе, любопытство, просьба, хитрость, разлученіе, мѣстоположеніе, печаль, встрѣча, наставленіе, мѣстоположеніе, трапеза, борьба, побѣда, сѣтованіе, высадка, войска, сраженіе, побѣда.*

Третія книга: *встрѣча, наставленіе, довѣрен-*

ность, совѣты, скупость, препятствіе, мѣстоположеніе, торговля, недовѣрчивость, совѣты, опасности, предложеніе, борьба (добродѣтели съ порокомъ), встрѣча, прощаніе.

Каждый изъ сихъ предметовъ содержитъ опять въ себѣ многіе другіе. Напримѣръ, въ первомъ параграфѣ первой книги содержатся: *безутѣшность, отшествіе, печаль, почитать себя несчастнымъ, безсмертіе, пещера, отдаваться, пѣніе, нимфы, не смѣть бесѣдовать, ходить, часто, уединеніе, луга, цвѣты, весна, вѣчность, обложить, островъ, прекрасное, мѣсто, облегчать, скорбь, но еще больше, возбуждать, печаль, воспоминаніе, видѣть, съ собою, неподвижно, берегъ, море, орошать слезами, непрестанно, обращаться, страна, корабль, разсѣкать волны, сокрыться.*

Такъ какъ есть связь между всѣми сими идеями, то каждая изъ нихъ, будучи дана, естественно можетъ произвести всѣ прочія въ умѣ, безъ всякаго напряженія.

Послѣ сего предварительнаго упражненія въ разборѣ книгъ, можно предложить ученику тему; напримѣръ:

Можно задать ему сдѣлать сравненіе рѣчи Телемака къ Ацесту, въ первой книгѣ, съ рѣчью его къ Сезострису, во второй книгѣ.

СОЧИНЕНІЕ.

»1-е. Телемакъ, странствуя для обрѣтенія »отца своего, приходитъ къ Царю. Въ обѣихъ »рѣчахъ одинъ и тотъ же предметъ.«

2-е. Положеніе тоже самое: Телемакъ нахо»дится во власти Ацеста; онъ также находится »во власти Сезостриса.«

»3-е. Но Ацестъ говоритъ съ Телемакомъ су»рово и грозитъ ему; Сезострисъ-же принимаетъ »его дружелюбно.«

»4-е. Авторъ не описываетъ Ацеста, но онъ »съ удовольствіемъ входитъ въ подробное описа»ніе добродѣтелей Сезостриса.«

»5-е. Посему естественно, что молодой сынъ »Улисса разгнѣванъ противъ Ацеста, и что онъ »съ Сезострисомъ говоритъ съ почтительною »довѣрчивостію.«

»Телемакъ говоритъ Сезострису: *О великій »Царь! тебѣ извѣстна осада града Трои;* а Аце»сту онъ говоритъ: *О Царь!... узнай, что я »Телемакъ, сынъ мудраго Улисса.* Не возможно »лучше изобразитъ чувствованій сего молодаго »человѣка. Изъ сихъ двухъ выраженій, первое »умѣренно и почтительно, второе-же, напро»тивъ того, гордо и заключаетъ въ себѣ угро»зу; изъ сего весьма явствуетъ, что долженъ

»былъ почувствовать Телемакъ, при видѣ не»пріятеля, родителемъ его побѣжденнаго. *Узнай!* »сіе слово произнесено съ чувствомъ презрѣнія. »Когда Телемакъ говоритъ: *О великій Царь!* то »мы чувствуемъ, что сей юноша объятъ глубо»кимъ почтеніемъ при видѣ Сезостриса.«

»Фенелонъ заставляетъ его говорить въ од»номъ случаѣ: *возврати меня родителю*, а въ »другомъ: *повели лучше насъ предать смерти, не»жели столь недостойно поступать съ нами.* Ка»кая разница! Въ первомъ мѣстѣ заключается »просьба; во второмъ, это чувство обиженнаго »сердца. Ничто лучше не изображаетъ гордаго »характера юнаго Телемака.«

Синонимы сочиненій заслуживаютъ полное вниманіе наставника; должно замѣчать, какія мѣста въ Телемакѣ болѣе всего дѣлаютъ впечатлѣнія при чтеніи. Въ послѣдствіе ученикъ легко убѣдится, что у всѣхъ поэтовъ, у всѣхъ ораторовъ одни и тѣже самые предметы трогаютъ и привлекаютъ. Причина сего заключается въ природѣ человѣка, а не зависитъ отъ условія. Во всѣхъ языкахъ, во всѣхъ сочиненіяхъ Фенелонъ болѣе или менѣе находится на всякой страницѣ; вотъ почему мы безпрестанно повторяемъ: *Все во всемъ.* Нѣтъ сомнѣнія, что основатель Всеобщаго ученія не могъ провѣрить всего, что было

написано, хотя онъ сорокъ лѣтъ занимался преподаванiемъ; но онъ былъ удивленъ, когда находилъ въ Телемакѣ все то, что онъ когда-либо читалъ. Посему надлежитъ съ довѣрчивостiю принять за правило, что *Все во всемъ*, пока всякiй самъ собою узнаетъ исключенiя, и таковый тогда собственнымъ наблюденiемъ убѣдится, что афоризмъ нашъ полезенъ потому, что, на основанiи онаго, всякое исключенiе, будучи познано размышленiемъ, легко врѣзывается въ память. *Все во всемъ* есть мнемоника Всеобщаго ученiя.

ШЕСТОЕ УПРАЖНЕНIЕ.

СИНОНИМЫ МЫСЛЕЙ.

Одни и тѣ-же факты всегда даютъ поводъ къ размышленiямъ одного и того-же рода; если между ними есть какая нибудь разница, то сiе происходитъ отъ различныхъ оттѣнковъ, которые могутъ быть въ обстоятельствахъ. И такъ, читать, останавливаться на какой-либо мысли, продолжать чтенiе, и искать мысль подобную той, которая сначала поразила наше вниманiе, разсуждать о сихъ двухъ мысляхъ: вотъ что мы понимаемъ подъ синонимами мыслей.

Напримѣръ:

»Младость высокомѣрна, всего отъ себя са-

»мой надѣется: сколь ни безсильна, мечтаетъ, »что можетъ все, и что ничего нѣтъ для нее »опаснаго.«

Ученикъ останавливается надъ сею фразою, размышляетъ, и говоритъ:

»Таковы слабость и непостоянство человѣка, »что онъ всего отъ себя надѣется, и столь ма- »лому можетъ оказать сопротивленіе!«

Въ другомъ случаѣ ученикъ говоритъ:

»Малѣйшее сопротивленіе раздражаетъ пыл- »кій его характеръ.« Онъ останавливается на сей мысли, которая столь хорошо изображаетъ характеръ Телемака. Онъ далѣе находитъ: »ма- »лѣйшее сопротивленіе воспламѣняло гнѣвъ его.« Сія фраза ему изображаетъ Вокхорида. Онъ размышляетъ о сихъ двухъ мысляхъ; онъ постигаетъ сходства ихъ между собою и въ выраженіяхъ примѣчаетъ маленькую разницу, которая показываетъ ему различіе въ мысляхъ; ибо Вокхоридъ думалъ, *что все должно было уступать пылкимъ его желаніямъ*, тогда какъ Телемакъ хотѣлъ, *чтобы никогда не почитали невозможнымъ того, что требовалось для его удовлетворенія.*

Когда ученикъ привыкнетъ къ симъ сочиненіямъ, то онъ, кромѣ Телемака, и изъ другихъ сочиненій можетъ брать синонимы мыслей; такимъ образомъ онъ самъ собою узнаетъ, какая

великая единообразность находится во всѣхъ произведеніяхъ ума.

СЕДЬМОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ПЕРЕЛОЖЕНІЯ.

Когда мы хотимъ писать о какомъ-либо предметѣ, и примѣчаемъ какое-либо отношеніе между симъ предметомъ и другимъ, о которомъ уже писано, когда мы, такимъ образомъ, подражаемъ размышленіямъ автора сего послѣдняго сочиненія, то мы дѣлаемъ *переложеніе*.

Ученикъ, напримѣръ, хочетъ изобразить *сѣтованіе честолюбца*; онъ находитъ отношеніе между симъ предметомъ и мѣстомъ, гдѣ Фенелонъ описываетъ сѣтованіе Калипсы; но онъ можетъ руководствоваться только размышленіями автора о семъ чувствѣ, а не долженъ говорить ни о пещерѣ, ни о нимфахъ и пр., какъ онъ поступалъ при подражаніяхъ.

Въ семъ случаѣ онъ дѣлаетъ прежде слѣдующія размышленія о сѣтованіи Калипсы:

»*Калипса въ горести своей почитала жизнь* »*свою тягостію; окружающія ее отдалялись отъ* »*ней; она въ самой себѣ не находила никакого* »*утѣшенія, и чувствовала въ душѣ своей какую-* »*то ужасную пустоту. Все возбуждаетъ въ ней*

»горькія воспоминанія, и мысли ея обращаются къ »предмету безпрерывнаго ея сѣтованія.«

Когда ученикъ такимъ образомъ отдѣлилъ отъ главной мысли автора всѣ постороннія опредѣленія и дополненія, то онъ легко видитъ, что онъ, на основаніи сего самаго факта, можетъ сдѣлать множество размышленій, свойственныхъ всѣмъ подобнымъ фактамъ, и какъ онъ находитъ отношеніе между фактомъ *сѣтованіе честолюбца* и тѣмъ, который у него предъ глазами, то онъ пишетъ и оправдываетъ слѣдующее сочиненіе:

»Честолюбецъ не можетъ утѣшиться о потерѣ своего сана и своихъ отличій; въ горести »своей жизнь ему кажется тягостною. Окружавшіе его льстецы оставляютъ его. Онъ въ са»момъ себѣ не находитъ никакого утѣшенія. Онъ »чувствуетъ въ душѣ своей ужасную пустоту. »Милости, которыми онъ пользовался, намѣренія, »которыя онъ имѣлъ въ виду, являются ему какъ»бы во снѣ. Если иногда онъ и забавляетъ еще »умъ свой прелестью прошедшихъ обольститель»ныхъ призраковъ, то онъ въ нихъ не столько »находитъ облегченія въ страданіяхъ своихъ, »сколько ужасную дѣйствительность ничтожно»сти, въ которую онъ впалъ; все возбуждаетъ »въ немъ горькія воспоминанія, и мысли его не-

»престанно обращаются къ предмету его сѣто-»ванія и отчаянія.«

ОПРАВДЫВАНІЕ.

»Калипса сѣтуетъ о потерѣ Улисса; често-»любецъ сѣтуетъ о потерѣ сана своего и отли-»чій своихъ: чувство въ обоихъ случаяхъ одно и »тоже самое.«

»Исторія Протезилая, которую я избралъ »предметомъ разсужденій о честолюбцѣ, пришед-»шемъ въ упадокъ, дало мнѣ поводъ къ фразѣ: »*въ горести своей*, и пр. и пр. — Потомъ я ста-»рался подражать размышленіямъ, къ которымъ »даетъ поводъ сѣтованіе Калипсы; я видѣлъ, что »нимфы ея не смѣли съ нею бесѣдовать, и пото-»му я сказалъ, что въ томъ положеніи, въ ко-»торомъ я предполагаю честолюбца, льстецы его »оставляютъ, — впрочемъ, это фактъ исторіи »Протезилая. На основаніи того-же факта, я »сказалъ: *онъ въ самомъ себѣ не находитъ ника-»кого утѣшенія*, слѣдую постоянно изложенію сѣ-»тованія Калипсы, которая уже не находитъ удо-»вольствія въ пѣніи. Положеніе Протезилая за-»ставило меня сказать: *онъ чувствуетъ въ душѣ »своей ужасную пустоту*. Когда Протезилай »былъ взятъ Егезиппомъ подъ стражу, то у не-

»го болѣе ничего не осталось; все прежнее исчез-»ло въ одно мгновеніе, и это заставило меня на-»писать: *милости, которыми онъ пользовался* и »пр. Въ подражаніе чувству, ощущаемому Калип-»сою, когда она, вмѣсто утѣшенія въ окружаю-»щихъ ее предметахъ, находитъ только увеличи-»ваніе скорби, сказалъ я: *если иногда и заба-»вляетъ онъ умъ свой* и пр. Калипса непрестан-»но обращалась къ той странѣ, гдѣ корабль Улис-»совъ, разсѣкая волны, отъ очей ея сокрылся; я »подражалъ сему чувству и образу изложенія она-»го, говоря: *и мысли его непрестанно обращаются »къ предмету его сѣтованія и отчаянія*« и пр.

СѢТОВАНІЕ МАТЕРИ О ПОТЕРѢ СВОЕЙ ДОЧЕРИ *.

»Госпожа В. неутѣшно сѣтовала о потерѣ »любезнѣйшей и единственной своей дочери. Въ »семъ горестномъ положеніи, не взирая на то, »что обладала многими дарами благодѣтельной

* Сочиненіе сіе было сдѣлано воспитанницею Гатчин-скаго Воспитательнаго Дома, которая занималась по сей методѣ только десять мѣсяцевъ, умѣя до сего лишь читать и писать, но безъ всякаго знанія ороографіи.

»природы, она мучилась, почитая себя несчастнѣйшей, и укоряла судьбу въ несправедливости. »Она не находила ни малѣйшаго удовольствія, ни »минутнаго утѣшенія, даже въ сообществѣ приближенныхъ друзей своихъ. Печальные взоры ея »уже не обращались на тѣ прелестныя и очаровательныя мѣста, въ которыхъ природа излила »всѣ свои наилучшія сокровища. Растроганная »душа ея уже не плѣнялась болѣе ни меланхолическимъ журчаніемъ прозрачныхъ ручейковъ, ни »гармоническимъ пѣніемъ воздушныхъ жителей. »Неоднократно удалялась въ дикую, мрачную глушь, »дабы оплакивать на свободѣ бѣдственнѣйшій »свой жребій, и непрестанно приводила себѣ на »память образъ милой своей дочери.«

Сочиненіе сіе было оправдано такимъ-же образомъ, какъ и предъидущее.

Вотъ другое сочиненіе, которое конечно убѣдитъ читателя въ пользѣ сего упражненія.

Борьба добродѣтели съ порокомъ (Подр. бою цестомъ * въ 4-й и 5-й книгахъ Телемака).

»Нѣтъ борьбы труднѣе той, которую по»рокъ ведетъ съ добродѣтелію; и человѣкъ, кое»го разумъ умѣетъ сопротивляться противнику

* Кистенъ.

»столь опасному, достоинъ всякаго удивленія. Въ »самомъ дѣлѣ, сколь незначительно число тѣхъ, »коихъ душа довольно сильна для того, чтобы »противостать пороку, чтобы не уступать ему, »даже при первомъ взглядѣ на сего опаснаго не»пріятеля! Только кто поддерживается мудрыми »совѣтами, можетъ надѣяться на побѣду.«

»Порокъ сначала какъ-бы затемняетъ разумъ, »а потомъ дѣйствіемъ искушенія ослабляетъ его. »Добродѣтель колеблется, порокъ преслѣдуетъ »ее; уже она готова поддаться ему, какъ вдругъ »оживляется голосомъ совѣсти, возопіющимъ къ »ней: О добродѣтельный человѣкъ, уже-ли ты »престанешь заслуживать столь прекрасное имя? »Тогда благородныя намѣренія даютъ добродѣтели »новыя силы; она избѣгаетъ нападеній, коими »была-бы низложена; она подкрѣпляется, и преж»де, нежели непріятель ея успѣетъ въ новыхъ »искушеніяхъ, она готова отразить его. Мало »по малу она беретъ верхъ. Наконецъ возвышен»ное и послѣднее усиліе доставляетъ ей побѣду, »и внутреннее спокойствіе служитъ наградою за »сію побѣду.«

ОПРАВДЫВАНІЕ.

В. — Почему вы сказали: *И человѣкъ, коего разумъ умѣетъ сопротивляться противнику столь опасному* и пр.? —

О. — Я разобралъ внутреннюю борьбу Телемака на островѣ Кипрѣ, и написалъ разсужденіе сіе, соображаясь съ описаніемъ боя цестомъ.

В. — Почему: *Въ самомъ дѣлѣ сколь незначительно* и пр.? —

О. — Всѣ другіе бойцы уступили Самосскому гражданину, по причинѣ великой славы его въ семъ родѣ боя.

В. — Почему: *Только кто поддерживается мудрыми совѣтами* и пр.?

О. — Телемакъ одинъ надѣялся одержать побѣду.

В. — Почему: *Порокъ сначала какъ-бы затемняетъ* и пр.?

О. — Это оправдывается самыми фактами описаннаго боя.

В. — Почему: *Добродѣтель колеблется*, и пр.?

О. — Все это случается съ Телемакомъ во время боя, въ то время, когда онъ былъ одушевленъ голосомъ Ментора.

В. — Почему: *Тогда благородныя намѣренія даютъ добродѣтели* и пр.?

О. — Всѣ сіи случаи составляютъ подробности описаннаго боя.

В. — Почему: *Мало по малу она беретъ* и пр.?

О. — Я всегда старался подражать описанію

и различнымъ подробностямъ боя: *Уже онъ отступалъ.... онъ хотѣлъ уклониться..... онъ далъ мнѣ случай ниспровергнуть его.*

Изъ сихъ различныхъ примѣровъ ясно видно, что должно понимать подъ *переложеніемъ*, и въ тоже время показывается изобильный источникъ средствъ сего способа преподаванія.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ каждое мѣсто можетъ быть поводомъ ко множеству переложеній, то матерія, посредствомъ сравниванія и совокупленія различныхъ мѣстъ между собою, дѣлается неистощимою.

ОСЬМОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КАКОЙ-ЛИБО КНИГИ КРАТКАГО СОДЕРЖАНІЯ ОНОЙ.

Разборъ въ краткомъ содержаніи какого-либо сочиненія показываетъ сущность онаго. Тотъ, кто привыкъ различать главное отъ придаточнаго, можетъ въ продолженіе часа прочесть цѣлую книгу, и узнать все ея содержаніе, если она заключаетъ въ себѣ *одинъ* главный фактъ.

Не останавливаемся на семъ упражненіи, ибо, послѣ сказаннаго въ пятомъ упражненіи, легко понять можно, въ чемъ состоитъ и сіе упражненіе.

ДЕВЯТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

РАЗВИТІЕ МЫСЛЕЙ.

Всякое развитіе какой-либо мысли должно быть основано на фактахъ. Ищите мысль, которую Фенелонъ развилъ; замѣтьте, что онъ слѣдовалъ такому-то правилу, или, лучше сказать, что вы сами составили себѣ такое-то правило, размышляя о сказанномъ Сочинителемъ, и подражайте ему. Это упражненіе входитъ, нѣкоторымъ образомъ, въ синонимы; ибо оно заключается въ разсматриваніи сходства и различія двухъ разныхъ мѣстъ какого-либо сочиненія.

Сначала должно найти фактъ, который могъ дать Сочинителю поводъ къ такому-то разсужденію, и потомъ сыскать въ своемъ предметѣ фактъ, на основаніи котораго вы могли бы сдѣлать подобное разсужденіе. Напрасно будемъ искать въ какомъ-либо Сочинителѣ сравненія, котораго никогда еще не было сдѣлано, или отношенія, которое никогда еще не было замѣчено кѣмъ-либо изъ людей, когда дѣло идетъ объ интересѣ ихъ, когда они спорятъ изъ страсти, или когда ихъ одушевляетъ гнѣвъ; такого сравненія или отношенія нельзя найти. Природа заключается въ искусствѣ; нѣтъ такого со-

вокупленія, которое-бы не было сдѣлано кѣмъ-либо изъ людей вообще; только собственныя творенія искусства, т. е. ряды особыхъ совокупленій съ какимъ-либо однимъ фактомъ, дѣйствительно могутъ быть новыми.

Велите, напримѣръ, ученику вашему прочесть то мѣсто въ четвертой книгѣ Телемака, гдѣ Менторъ упрекаетъ сына Улиссова, въ тщеславной его болтливости, и велите ему развить сію мысль: *не говори никогда изъ тщеславія.*

Ученикъ внимательно будетъ разсматривать мѣсто, на которое вы обратили вниманіе его; онъ будетъ взвѣшивать обстоятельства, онъ увидитъ, какія разсужденія дѣлалъ Фенелонъ, и онъ разовьетъ мысль, которую вы ему на сей предметъ задали, подражая разсужденіямъ Фенелона, и совокупляя ихъ съ подобными фактами. Тогда онъ напишетъ:

»Человѣкъ почти всегда увлекается удовольствіемъ, говорить о самомъ себѣ въ благопріятныхъ отношеніяхъ; онъ бываетъ ослѣпленъ тогда ничтожною выгодою, выставлять въ глазахъ »другихъ достоинство своихъ дѣйствій: этимъ »онъ приготовляетъ себѣ непріятности, иногда »даже великія несчастія. Какъ можетъ онъ на-«дѣяться уйти отъ западни злыхъ, когда онъ от-

»крылъ имъ тайну своей слабости и путь къ «своему сердцу? Желаніе, быть хвалимымъ, увле»каетъ его за предѣлы благоразумія, и предаетъ »его вкрадчивымъ льстецамъ, которые, можетъ »быть, находятъ интересъ свой въ томъ, что»бы обмануть его. Вотъ обыкновенный резуль»татъ ребяческихъ наслажденій самолюбія.«

»О люди! неужели вы никогда не будете до»вольно благоразумны, чтобы молчать о вашихъ вы»годахъ, когда безполезно говорить о нихъ? Когда »тщеславіе престанетъ внушать вамъ всѣ ваши рѣ»чи? Когда научитесь вы говорить скромно о самихъ »себѣ, не стремясь за удивленіемъ вашихъ ближнихъ? »Блескъ, которымъ таковый успѣхъ сопровождается, »ложенъ; берегитесь его, онъ можетъ ослѣплять »только тщеславную душу. Мудрость васъ пре»варяетъ, она зоветъ васъ возвысить достоин»ство ваше скромностію, коей пріятный отблескъ »еще болѣе обнаружитъ то, что можетъ быть »достойно славы въ картинѣ вашей жизни. Слѣ»дуйте-же симъ совѣтамъ, внушаемымъ знаніемъ »человѣка и намѣреніями, къ коимъ онъ способенъ, »*и никогда не говорите изъ тщеславія,*«

Не будемъ оправдывать сего сочиненія; ибо тотъ, кто хорошо понялъ предъидущія упражненія, легко увидитъ, на основаніи какихъ фактовъ написалъ сіе ученикъ.

ДЕСЯТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

НАХОЖДЕНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ПЕРЕЛОЖЕНІЯ.

Чрезъ сіе упражненіе ученикъ привыкаетъ находить отношенія, существующія между двумя предметами, которыхъ онъ сравниваетъ, и выражать ихъ такимъ образомъ, чтобы онъ удачно могъ оправдывать сочиненія свои.

Напримѣръ:

Телемакъ преодолѣваетъ льва; переложите: Телемакъ преодолѣваетъ страсти.

Ристаніе на колесницахъ; переложите: Честолюбіе.

Исторія Аристодема; переложите: Непостоянство народовъ.

и т. д.

Надобно взыскивать, чтобы ученикъ дѣлалъ сіи упражненія изустно и письменно; онъ долженъ прежде говорить о нихъ, а потомъ писать.

ОДИННАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ПИСАТЬ О КАКОМЪ-ЛИБО ПРЕДМЕТѢ СЛОВЕСНОСТИ.

Когда ученикъ ревностно упражнялся надъ всѣми предъидущими упражненіями, и довольно долго, такъ, что онъ можетъ безостановочно дѣлать все

сочиненія, кои составляютъ результатъ оныхъ, тогда онъ въ состояніи все предпринять. Онъ долженъ тогда изучать Литтературу, не такъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ нашихъ заведеніяхъ, но по способу Жакото. Должно дать прочесть ученику какую-либо поэму, какой-либо отрывокъ, какую-либо комедію или трагедію и пр., и велѣть ему написать, что онъ о томъ думаетъ. Слѣдующій примѣръ достаточное даетъ понятіе о семъ упражненіи.

Положимъ, что ученику велѣно писать объ одѣ, прочитавъ слѣдующую:

Нагробная Императрицѣ

ЕКАТЕРИНѢ II.

Россія! се Екатерина,
Владычица твоя и Мать!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

* *
*

Се Та, что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы

И Ангелъ во плоти была!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

* *
*

Се Та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала,
Плѣняла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

* *
*

Се Та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ состояньямъ проливать!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

* *
*

Се Та, что и въ врагахъ почтенье
Къ Себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще весь міръ дивить!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о Ней.

СОЧИНЕНІЕ ОБЪ ОДѢ.

»Ода есть маленькая лирическая поэма, со-»ставленная изъ стопъ и риѳмъ *), иногда и безъ »оныхъ, въ опредѣленномъ порядкѣ расположен-»ныхъ. Сей родъ поэзіи посвященъ славѣ вели-»кихъ людей.«

»Дѣйствующее лице въ одѣ есть самъ авторъ; »онъ живо представляетъ себѣ предметъ, о ко-»торомъ онъ пишетъ, и, будучи воспламененъ »онымъ, старается тѣже самыя чувства влить »въ своего читателя. Только величественные »предметы могутъ поразить его такъ сильно; »только изложеніемъ оныхъ можетъ онъ надѣять-»ся тронуть сердца и привести ихъ въ восторгъ.«

»Пишетъ-ли поэтъ о какомъ-либо умершемъ »великомъ человѣкѣ, то сія потеря преимуще-»ственно занимаетъ его: онъ безпрестанно о-»бращается къ ней.«

---

*) Разумѣется, что тотъ только ученикъ будетъ упоминать о стопахъ, риѳмахъ и пр., который прочелъ Прозодію. Сверхъ сего, должно замѣтить, что ученикъ объ одѣ вообще пишетъ здѣсь по частному случаю, какъ вообще ученики Всеобщаго ученія изъ частныхъ фактовъ извлекаютъ общія разсужденія; чѣмъ болѣе онъ ознакомится съ различными видами оды, тѣмъ вѣрнѣе будетъ его общее сужденіе объ оной.

»Онъ вспоминаетъ всѣ великія дѣла его, всѣ »подвиги и добродѣтели его, и избираетъ изъ нихъ »самые блестящіе для пораженія слушателя.«

»Вся душа его какъ-бы сосредоточивается на »предметѣ пламеннаго его изложенія; онъ самъ какъ-»бы превращается въ одно чувство, и произве-»деніе его сильно выказываетъ внутреннее состоя-»ніе его души.«

Такимъ образомъ ученикъ поступитъ со всѣми предметами; должно только давать ему хорошіе образцы, и тогда ему легко будетъ писать объ оныхъ; но онъ будетъ употреблять выраженія общежитія до тѣхъ поръ, пока не ознакомится съ языкомъ, свойственнымъ каждому особому роду сочиненій, каждой особой наукѣ.

ДВѢНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ПОДРАЖАНІЕ МЫСЛЕЙ.

Жуковскій сказалъ: *Быть счастливымъ — есть наслаждаться самимъ собою.* Размышляя о какомъ-либо фактѣ, можно сказать: *Быть лгуномъ, значитъ бояться.*

Жуковскій сказалъ: *Горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.* Размышляя о какомъ-либо фактѣ, можно сказать: *Любовь будетъ для него нѣкоторымъ образомъ горестію.* Такимъ

же образомъ ученикъ, прочитавши въ Телемакѣ: *Благополучны, говорилъ я, тѣ, которые отвращаются отъ безумныхъ увеселеній и умѣютъ довольствоваться сладостями безпорочной жизни!* размышляетъ, и говоритъ: счастливы тѣ, кои любятъ добродѣтель и умѣютъ довольствоваться сладостями, ею доставляемыми. Сія мысль оправдывается фактами, изъ исторіи Филоклеса на островѣ Самосѣ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ легко понять можно цѣль и родъ сего упражненія.

ТРИНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.
ПИСЬМА.

Писать письмо значитъ: сообщать мысли и чувства свои лицу, съ которымъ мы находимся въ разлукѣ. Мы пишемъ только, чтобы передать какой-либо новый фактъ или какое-либо размышленіе о предметахъ, извѣстныхъ тому, который пишетъ, и тому, для котораго назначается письмо; въ обоихъ случаяхъ мы изображаемъ мысли и чувства свои. Мы всегда хорошо пишемъ, когда имѣемъ предъ глазами факты, и когда размышленіе, на основаніи оныхъ дѣлаемое, выражено просто и ясно. Напротивъ того, мы только тогда пишемъ худо, когда употребляемъ

изысканныя выраженія, и когда при письмѣ не имѣемъ въ виду главнаго предмета. Сіе послѣднее обстоятельство заставляло вообще думать, что трудно писать письма, и потому полагали, что должно обращать особенное вниманіе на письменный слогъ.

Велите сначала ученику вашему писать письма: *Пенелопы* къ *Телемаку*, *Телемака* къ *Ментору*, *Протезилая* къ *Тимокриту*, *Ментора* къ *Улиссу*, и обратно: вы убѣдитесь тогда, сколь легко написать хорошее письмо. Но велите кому-либо написать письмо къ незнакомому лицу, запрещая ему писать о какомъ-либо извѣстномъ ему предметѣ, или велите ему ограничиваться разсужденіями, и тогда вы увидите, сколь много онъ будетъ находить въ томъ препятствія, и при всемъ томъ напишетъ вамъ жалкое письмо, наполненное общими мѣстами.

Придумайте какой-либо фактъ, размышляйте о семъ фактѣ и пишите: тогда вы всегда хорошо напишите. Факты столь легко пріискивать, что мы можемъ писать хорошо, лишь-бы мы хотѣли.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ПОРТРЕТЫ.

Излагать достопримѣчательнѣйшія обстоятельства изъ жизни какого-либо изобра-

жаемаго лица, выставлять оное со всѣми хорошими и худыми его качествами, со всѣми измѣненіями и противоположностями, произведенными въ немъ какими-либо происшествіями: вотъ что мы называемъ *писать портреты.*

Фенелонъ столь изящно, столь сильно и столь ясно писалъ портреты изображаемыхъ имъ лицъ, что мы и для сего рода упражненій можемъ найти образцы изъ Телемака.

Когда ученикъ уже пріобрѣлъ навыкъ писать портреты Ментора, Протезилая и Евхарисы и пр., то онъ можетъ избирать предметы для сего упражненія изъ всего, лишь-бы онъ всегда оправдывалъ фактами то, что онъ написалъ.

ПЯТНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

СРАВНЕНІЯ ИЛИ ПАРАЛЛЕЛИ.

Когда ученикъ умѣетъ писать портреты, то весьма легко для него писать и *параллели,* потому что это есть не что иное, какъ согласованіе двухъ или нѣсколькихъ портретовъ, коихъ сходство и различіе выставляется. Обыкновенно писатели, посредствомъ противоположности, выставляютъ тотъ портретъ, которому они хотятъ дать преимущество. Фенелонъ ставитъ Пигмаліона подлѣ Сезостриса только для того, чтобы разительнѣе выставить достоинства сего

послѣдняго, и болѣе дать почувствовать гнусность перваго.

ШЕСТНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

РАЗСКАЗЫ.

Пріобрѣтши навыкъ разсказывать сряду и отдѣльно все, что содержится въ восемнадцати послѣднихъ книгахъ Телемака, ученикъ уже приготовленъ къ сему упражненію, и легко можетъ сочинить разсказъ, на основаніи какихъ-либо вымышленныхъ фактовъ, подражая, относительно порядка и вѣроятностей, ходу, которому слѣдовалъ Фенелонъ въ своемъ сочиненіи. Онъ искусно вставляетъ сны, сраженія, описанія, рѣчи, игры и пр. Все сіе, разумѣется, дѣлаетъ онъ не иначе, какъ составивъ себѣ предварительно планъ, который онъ долженъ оправдать, какъ и обыкновенныя свои сочиненія. Что касается до слога, то ученикъ, если онъ хорошо знаетъ первыя шесть книгъ, и надъ остальными дѣлалъ всѣ вышепоказанныя упражненія, вѣрно будетъ писать слогомъ правильнымъ, соотвѣтствующимъ данному ему образцу *).

*) Къ сожалѣнію, Русскій переводъ творенія славнаго Фенелона, какъ извѣстно, не хорошъ; но сей недостатокъ легко можетъ быть замѣненъ посредствомъ чтенія образцовыхъ Русскихъ писателей и сравниванія слога ихъ съ переводомъ Телемака.

СЕМНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ГРАММАТИКА.

Очень не трудно изучать Грамматику того языка, который мы знаемъ; но, обратно, весьма утомительно заниматься отвлеченными правилами языка, котораго мы еще не знаемъ.

Примѣнять *факты къ правиламъ*, вотъ старая метода; а примѣнять *правила* къ фактамъ, вотъ наша метода. Факты существовали прежде правилъ, посему слѣдуемъ мы естественному порядку, и успѣхи идутъ быстрѣе.

Когда мы ученикамъ даемъ въ руки Грамматику, то они пишутъ уже хорошо; правописаніе, согласованіе и управленіе словъ, столь затрудняющія учениковъ старой методы, для нашихъ кажутся весьма легкими; изучивъ Телемакъ, они столько разъ повторяли и писали фразы онаго, что имъ представляется бездна примѣровъ, когда они хотятъ примѣнить къ языку какое-либо правило Грамматики: такимъ образомъ они понимаютъ и удерживаютъ все гораздо лучше.

Есть люди, которые въ какомъ-то нравоучительномъ тонѣ говорятъ: *правила образуютъ скусъ.* Наши ученики, которые размышляютъ, никогда не осмѣлились-бы сказать чего-нибудь подобнаго; они очень хорошо понимаютъ, что то,

что называютъ вкусомъ, существовало за долго прежде правилъ, и что безъ произведенiй вкуса никогда-бы не стали говорить о правилахъ: *все во всемъ.* Старая метода принуждена говорить такъ; наши ученики должны думать, какъ они думаютъ.

Постараемся, сколько можно, проще показать, какимъ образомъ у насъ примѣняется Грамматика къ языку: сiе примѣненiе всегда должно дѣлаться изустно. Должно предварить ученика, что изученiе Грамматики ничего не прибавляетъ къ его знанiю языка, относительно достоинства словъ и формы фразъ; онъ не долженъ надѣяться найти въ ней помощь для лучшаго изложенiя мыслей и чувствъ своихъ; онъ долженъ только думать, что онъ изъ Грамматики научится терминамъ, принятымъ для выраженiя наблюденiй, сдѣланныхъ надъ существенностiю, порядкомъ и взаимнымъ отношенiемъ словъ языка. И такъ ученикъ, сравнивая собственныя наблюденiя съ подобными наблюденiями, пойметъ сiи послѣднiя, выраженныя языкомъ условiя.

Дайте ученику въ руки начальныя правила Русской Грамматики, изданныя Г. Гречемъ, руководство, безъ сомнѣнiя, наилучшее у насъ въ семъ родѣ. Пусть ученикъ читаетъ сiе руководство,

пусть размышляетъ надъ каждой фразой, пусть выразитъ мысли свои о каждой изъ оныхъ, и за симъ отыщетъ въ Телемакѣ примѣры на каждое правило; сіе послужитъ доказательствомъ, что онъ понялъ прочитанное.

Начнемъ:

Не должно останавливаться на опредѣленіи Грамматики, и на главныхъ раздѣленіяхъ оной; этимъ слѣдуетъ заняться только по прохожденіи всего.

ВВЕДЕНІЕ.

Ученикъ читаетъ все, что касается до буквъ и ихъ совокупленій, до слоговъ и ихъ удареній и пр., и потомъ пріискиваетъ въ Телемакѣ примѣры, для оправдыванія прочитаннаго.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Въ Грамматикѣ сказано: *имя существительное* есть названіе всякаго предмета, существующаго въ природѣ, подлежащаго-ли нашимъ чувствамъ, или воображаемаго нами въ умѣ.

Ученикъ находитъ въ Телемакѣ: *Калипса, отшествіе, корабль, Менторъ, Минерва, радость, островъ, пещера и проч.*, и оправдываетъ, что сіи слова дѣйствительно означаютъ предметы или существующіе въ природѣ и подлежащіе нашимъ чувствамъ, или воображаемы нами въ умѣ, и изъ

сего заключаетъ, что они суть имена существительныя.

Въ Грамматикѣ: предметы могутъ быть *одушевленные*, *неодушевленные* и *умственные*. — *Одушевленные*, которые одарены жизнію и способностію перемѣнять свое мѣсто.

Въ Телемакѣ: Калипса, Улиссъ, Телемакъ, Менторъ, человѣкъ, Царь и пр., и ученикъ опять оправдываетъ, что сіи слова означаютъ предметы, одаренные жизнію и способностію перемѣнять свое мѣсто; слѣдственно, скажетъ онъ, принадлежатъ оные къ предметамъ одушевленнымъ.

Въ Грамматикѣ: *неодушевленные*, неимѣющіе жизни и способности произвольно перемѣнять свое мѣсто.

Въ Телемакѣ: *пещера*, *лугъ*, *островъ*, *мѣсто* и пр., и ученикъ оправдываетъ это опять, какъ выше показано.

Въ Грамматикѣ: *умственные*, которыхъ мы не можемъ видѣть, воображая оные только въ умѣ своемъ.

Въ Телемакѣ: *отшествіе*, *горесть*, *несчастіе* и пр.

Такимъ образомъ проходитъ учитель виды имени существительнаго.

Далѣе сказано въ Грамматикѣ: имена существительныя бываютъ рода *мужескаго*, *женскаго* и *средняго*. — Всѣ имена, означающія предметы

одушевленные, пола мужескаго, суть *мужескаго* рода.

Въ Телемакѣ: Менторъ, Телемакъ, Метофисъ, Нарбалъ, начальникъ, рабъ и пр.

и т. д.

Въ Грамматикѣ: въ Русскомъ языкѣ *семь падежей.* Оные познаются по слѣдующимъ вопросамъ, а именно: *именительный*, по вопросу: *кто? что?*; *родительный*, *кого? чего?* или *чей? чья? чье?*; *дательный*, *кому? чему?*; *винительный*, *кого? что?*; *звательный* (означающій предметъ, къ коему обращается рѣчь); *творительный*, по вопросу: *кѣмъ? чѣмъ?*; *предложный*, *о комъ? о чемъ?*

Въ Телемакѣ: *Калипса не могла утѣшиться объ отшествіи Улиссовомъ.* — Кто не могла утѣшиться? — *Отв.* Калипса (имен. пад.). — *О чемъ не могла утѣшиться?* — *Отв.* Объ отшествіи Улиссовомъ (предл. пад.). *Въ горести своей почитала себя несчастною* и пр.; въ чемъ почитала себя несчастною? — *Отв.* Въ горести (предл. пад.). — *Въ пещерѣ ея не отдавалось уже сладкаго ея пѣнія*; въ чемъ не отдавалось? — *Отв.* Въ пещерѣ (предл. пад.). — Чего не отдавалось? — *Отв.* Пѣнія (род. пад.). *Служившія ей нимфы не смѣли* и пр.; *кто не смѣли?* — *Отв.* Нимфы (имен. пад.).

и т. д.

Такимъ образомъ ученикъ прочитываетъ всю

первую главу; и потомъ разсказываетъ то, что онъ запомнилъ, именуя всегда прежде правило Грамматики, и оправдывая оное потомъ примѣрами изъ книги; равнымъ образомъ ознакомливается ученикъ съ исключеніями изъ правилъ. Наконецъ учитель заставляетъ его прочесть какое-либо мѣсто изъ Телемака, и ученикъ долженъ тогда показать въ ономъ все, что онъ знаетъ относительно *имени существительнаго*, какъ *собственнаго*, *нарицательнаго* и прочихъ видовъ, такъ и относительно измѣненія онаго по *числу*, *роду* и *падежу*.

Имя прилагательное.

Въ Грамматикѣ: *Имя прилагательное* есть названіе качества предметовъ.

Въ Телемакѣ: *несчастный*, *сладкій*, *прелестное*, *львиный*, *медвѣжій*, *Улиссовъ*, *прежній* и пр. Ученикъ повѣряетъ въ Телемакѣ и находитъ, что *несчастный* означаетъ качество Калипсы, что *сладкій* означаетъ качество ея пѣнія и т. д.; онъ находитъ, что всѣ сіи слова суть названія качествъ предметовъ, и потому признаетъ оныя за *имена прилагательныя*.

Въ Грамматикѣ: Имена прилагательныя бываютъ: *качественныя*, *обстоятельственныя*, *при-*

тяжательныя и *дѣйствующія.* — *Качественныя*, которыми означается качество, принадлежащее предмету, и находящееся въ немъ самомъ.

Въ Телемакѣ: *младый, мудрый, опасный, рѣзвый* и пр.

и т. д.

Въ Грамматикѣ: Имена прилагательныя имѣютъ *три рода, два числа* и *семь падежей*, и въ сихъ качествахъ согласуются съ своими существительными, то есть, въ какомъ родѣ, числѣ и падежѣ находится существительное, въ такомъ-же полагается и прилагательное. Для сего имѣютъ они склоненія.

Имена прилагательныя, во всѣхъ родахъ и обоихъ числахъ, имѣютъ по два *окончанія*: *полное* и *усѣченное*. Оныя суть:

	Единствен. число.			Множеств. число.		
	муж. р.	ср. р.	жен. р.	муж. р.	ср. р.	жен. р.
полн.	ый(ой), ій;	ое, ее;	ая, яя;	ые;	ыя;	ія,
усѣч.	ъ, ь;	о, е;	а, я;	ы;	ы;	и.

Родъ.

Въ Телемакѣ: почтенн*ый* мужъ (муж. р.); вѣч*ная* весна (женс. р.); печальн*ое* воспоминаніе (сред. р.); и пр.

Число.

Въ Телемакѣ: сокрушенн*ый* корабль (един. чис.), сокрушенн*ые* корабли (мн. чис.), и пр.

Падежъ.

Въ Телемакѣ: почтенный мужъ (муж. род., един. числ., именит. пад.); грозными словами (сред. род., множ. чис., творит. пад.), и пр.

Окончанія.

Въ Телемакѣ: Знай *младый* иноплеменникъ, (муж. р., един. числ., зват. пад., полн. оконч.). Другой хотя и *младъ*, (муж. р., ед. чис., им. пад., усѣч. окон.) и пр.

Такъ учитель продолжаетъ до конца второй главы, и потомъ такимъ-же образомъ всѣ прочія главы *Словопроизведенія*. Равнымъ образомъ проходитъ съ ученикомъ *Словосочиненіе*, *Правописаніе* и *Произношеніе* словъ, требуя всегда, чтобы онъ примѣрами оправдалъ то, что читалъ въ Грамматикѣ. Наконецъ учитель, дабы удостовѣриться, что ученикъ понялъ правила Грамматики, раскрываетъ книгу, и даетъ ему какое-либо мѣсто изъ оной для Грамматическаго разбора, какъ по правиламъ Словопроизведенія, такъ и по правиламъ Словосочиненія.

А. По правиламъ Словопроизведенія.

»Напримѣръ: Раскрывъ 66 стр. II Части Те-»лемака, ученикъ читаетъ: все воинство ужасну-»лось, видя меня въ сей крайности; каждый за-»ключалъ, что то была казнь, низпосланная на ме-»ня праведными богами.«

Все. Слово односложное, первообразное. Имя прилагательное, обстоятельственное; средняго рода, единст. чис., въ именительномъ падежѣ.

Воинство. Слово трехсложное, производное. Имя существительное, собирательное; средняго рода, единственнаго числа, въ именительномъ падежѣ.

Ужаснулось. Слово четырехсложное, производное. Глаголъ возвратный, простой; III спряженія; однократнаго вида; изъявительнаго наклоненія, прошедшаго времени, единственнаго числа, средняго рода, въ 3-мъ лицѣ.

Видя. Слово двухсложное, производное отъ слова: *видѣть.* Дѣепричастіе дѣйствительнаго глагола *видѣть*, вида опредѣленнаго, въ настоящемъ времени.

Меня. Мѣстоименіе личное, перваго лица, единственнаго числа, въ винительномъ падежѣ.

Въ. Слово, несоставляющее слога. Предлогъ, требующій здѣсь предложнаго падежа.

Сей. Мѣстоименіе указательное, — женскаго рода, единственнаго числа, въ предложномъ падежѣ. Мѣстоименіе прилагательное.

Крайности. Слово двухсложное, производное, Имя существительное, нарицательное; 3-го склоненія; женскаго рода, единственнаго числа, въ предложномъ падежѣ.

Каждый. Мѣстоименіе неопредѣленное; мужескаго рода, единственнаго числа, въ именительномъ падежѣ.

Заключалъ. Слово трехсложное, производное. Глаголъ дѣйствительный, предложный; спрягается по 1-му спряженію; вида несовершеннаго; изъявительнаго наклоненія, прошедшаго времени, единственнаго числа, мужескаго рода, въ 3-мъ лицѣ.

Что. Союзъ.

То. Мѣстоименіе указательное, средняго рода, въ единственномъ числѣ.

Была. Слово односложное, первообразное. Глаголъ вспомогательный; вида опредѣленнаго; изъявительнаго наклоненія, прошедшаго времени, единственнаго числа, женскаго рода.

Казнь. Слово односложное, первообразное. Имя существительное, нарицательное; 3-го склоненія; женскаго рода, единственнаго числа, въ именительномъ падежѣ.

Низпосланная. Слово пятисложное, производное. Причастіе страдательное, слово производное отъ: *низпослать*, предложнаго глагола; вида несовершеннаго; настоящаго времени, единственнаго числа, женскаго рода, въ именительномъ падежѣ.

На. Предлогъ, требующій здѣсь винительнаго падежа.

Меня. Смотри выше.

Праведными. Слово трехсложное, производное. Имя прилагательное, качественное; мужескаго рода, множественнаго числа, въ творительномъ падежѣ; полнаго окончанія; положительной степени.

Богами. Слово односложное, первообразное (здѣсь разумѣются языческіе боги). Имя существительное, нарицательное; 1-го склоненія; мужескаго рода, множественнаго числа, въ творительномъ падежѣ.

Б. По правиламъ Словосочиненія вообще.

Прочитавъ мало по малу все, что относится до *сочетаній предложеній* и повѣряя оное въ Телемакѣ, какъ выше показано было, ученикъ будетъ въ состояніи сдѣлать разборы подобно слѣдующимъ.

Положимъ и здѣсь, что онъ, раскрывъ книгу на 66 стр. II-й Части, читаетъ: »Все воинство ужаснулось, видя меня въ сей крайности; каждый заключалъ, что то была казнь, низпосланная на »меня праведными богами.«

Сіи слова, скажетъ онъ, заключаютъ въ себѣ *періодъ*, состоящій изъ двухъ членовъ. Первый членъ: »Все воинство ужаснулось, видя меня въ сей крайности;« второй: »каждый заключалъ, что то была казнь, низпосланная на меня праведными богами.« Сіи члены соединены между собою безъ союза, но

здѣсь опущенъ союзъ: *и*, слѣдственно они, составляютъ *періодъ соединительный.*

Въ первомъ членѣ два предложенія, потому что есть глаголъ въ изъявительномъ наклоненіи (ужаснулось) и дѣепричастіе (видя). Первое предложеніе: »*Все воинство ужаснулось*« есть главное, ибо не зависитъ отъ другаго; а второе: *видя меня въ сей крайности* есть придаточное, ибо зависитъ отъ главнаго. Сіе послѣднее есть придаточное обстоятельственное, сокращенное. Въ полномъ видѣ было-бы оно: *Когда видѣло меня въ сей крайности.* Полное придаточное обстоятельственное предложеніе присовокуплялось-бы посредствомъ союза *когда;* въ сокращенномъ сила союза вмѣщается въ дѣепричастіи *видя.* Во второмъ членѣ три предложенія, потому что есть два глагола въ изъявительномъ наклоненіи (заключалъ и была) и причастіе страдательное (низпосланная). Первое предложеніе: »*каждый заключалъ*« есть главное, ибо не зависитъ отъ другаго; второе: »*что то была казнь*« есть придаточное, ибо зависитъ отъ главнаго; а третіе предложеніе: »*низпосланная на меня праведными богами*« есть также придаточное, ибо зависитъ отъ втораго предложенія. Второе предложеніе есть придаточное существительное, ибо замѣняетъ винительный падежъ глагола *заключалъ.*

Третіе предложеніе есть придаточное прилагательное, сокращенное; прилагательное потому, что оно опредѣляетъ казнь и, слѣдственно, замѣняетъ имя прилагательное; а сокращенное оно потому, что въ полномъ видѣ было бы: *которая низпослана была на меня богами.*

Первое предложеніе: »*Все воинство ужаснулось.*«

Подлежащее: *все воинство*, простое, ибо выражаетъ одинъ предметъ; составное, ибо состоитъ изъ двухъ словъ. Слово: *все*, есть опредѣленіе слова: *воинство.* Сказуемое: *ужаснулось*, простое, ибо выражаетъ одно дѣйствіе, несоставное, потому что состоитъ изъ одного слова. — Связка заключается въ совокупномъ глаголѣ: *ужаснулось.*

Второе предложеніе: »Воинство видѣло меня въ сей крайности.«

Подлежащее: *воинство;* сказуемое: *видѣло меня въ сей крайности;* простое, составное, ибо, означая одно дѣйствіе, состоитъ изъ пяти словъ. Первое дополненіе сказуемаго, простое: *меня;* второе, сложное: *въ сей крайности; сей* опредѣленіе дополненія: *крайности.* Связка заключается въ совокупномъ глаголѣ *видѣло.*

Третіе предложеніе: »*каждый заключалъ.*«

Подлежащее: *каждый*, простое, несоставное;

сказуемое: *заключалъ*, простое, несоставное. Связка заключается въ глаголѣ.

Четвертое предложеніе: »*То была казнь.*«

Подлежащее: *То*, простое, несоставное; связка: *была*; сказуемое: *казнь*, простое, несоставное.

Пятое предложеніе: »*Казнь была низпослана на меня праведными богами.*«

Подлежащее: *казнь*, простое, несоставное; связка: *была*; сказуемое: *низпослана на меня праведными богами*; простое, ибо означаетъ одно дѣйствіе; составное, ибо состоитъ изъ пяти словъ; *на меня*, первое дополненіе сказуемаго; *богами*, второе дополненіе сказуемаго; *праведными*, опредѣленіе дополненія *богами*.

ОСМНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ПИСАТЬ О КАКОМЪ-БЫ ТО НИ БЫЛО ПРЕДМЕТѢ, ПО ВОЛѢ УЧИТЕЛЯ, И ВЪ ОПРЕДѢЛЕННОЕ ВРЕМЯ.

Учитель входитъ въ классъ, вынимаетъ часы, и говоритъ ученикамъ: пишите *о такомъ-то предметѣ*; чрезъ четверть часа я васъ прерву, и работа должна быть окончена.

При случавшихся во время курса посѣщеніяхъ въ Гатчинскомъ Воспитательномъ Домѣ лицами,

занимающимися образованіемъ юношества, между коими находились: извѣстный Педагогъ Г. Пасторъ фонъ-Муральтъ, достойный Инспекторъ Классовъ С. Петербургскаго Воспитательнаго Дома Г. Ободовскій, Помощникъ Инспектора Общества Благородныхъ дѣвицъ и Училища Ордена Св. Екатерины Г. Тимаевъ, Г. Баронъ Шабо, бывшій содержателемъ пансіона, и многія другія лица, учитель поступалъ такимъ образомъ, какъ выше сказано. И, по истеченіи пятнадцати минутъ, посѣтители имѣли въ рукахъ до тридцати сочиненій, между коими были слѣдующія:

1. *Облегченіе.*

Облегченіе есть ощущеніе въ себѣ нѣчто легкаго и пріятнаго, по перенесеніи чего-либо тягостнаго. Оно бываетъ двоякое: для души и для тѣла. Облегченіе для души состоитъ въ посредственномъ ослабленіи мучительной горести, важныхъ непріятностей, стѣсняющихъ всю внутренность человѣка. Оно вливаетъ въ душу его, хотя не замѣтно, но довольно ощутительно, бодрость, мало по малу прежде исчезнувшую; подкрѣпляетъ въ надеждѣ сердце, стѣсняемое уже отчаяніемъ; словомъ, подобное облегченіе есть та сладостная и небесная прохлада, которая ожи-

вотворяетъ человѣка, изнемогающаго отъ чрезмѣрнаго солнечнаго зноя.

Облегченіе для тѣла есть не иное что, какъ постепенное уменьшеніе жестокихъ болѣзней, подкрѣпленіе силъ, приходящихъ въ истощеніе равно состоитъ оно въ уменьшеніи какой-либо ноши.

2-е. *Кораблекрушеніе.*

Кораблекрушеніе есть такое несчастіе на морѣ, когда корабль отъ порывистаго вѣтра ломится на части, и люди, находящіеся въ немъ, подвергаются опасности потерять свою жизнь; такъ что иногда только случается спастись нѣсколькимъ человѣкамъ, и то, когда не теряютъ присутствія духа. Кораблекрушеніе въ прежнія времена было обыкновенное слѣдствіе бури, но какъ мореплаваніе теперь усовершенствовано, то совсѣмъ людямъ не предстоятъ тѣ опасности, кои страшили нѣкогда предковъ нашихъ.

3-е. *Какое впечатлѣніе производитъ на человѣка приходъ весны?*

Электрическій огонь радости, восторга и благодарности разливается въ сердцахъ чувствительнѣйшихъ твореній, при видѣ сего очаровательнѣйшаго зрѣлища, сей восхитительнѣйшей сцены, сего чудеснаго измѣненія, въ природѣ явля-

ющагося. Сладостное души волненіе ощущаетъ человѣкъ, взирая на рощицы, луга, долины, испещренныя пушистой травою и разновидными цвѣточками; на кудрявыя деревья, распускающія благовонные прелестные цвѣты, и обѣщающіе въ скоромъ времени, какъ-бы въ даръ неусыпнымъ трудамъ земледѣльца, разсыпать по землѣ свои румяные плоды; находитъ неизчерпаемый источникъ удовольствія, при слышаніи мелодическаго пѣнія воздушныхъ пернатыхъ жителей; чувствуетъ какое-то чистое, пріятное и безбурное впечатлѣніе, преклонивши слухъ свой къ меланхолическому журчанію прозрачныхъ и быстрыхъ ручейковъ, которые, стократно извиваясь, орошають благовонные луга. Онъ съ неизрѣченнымъ удовольствіемъ взираетъ на голубоцвѣтное небо, на прекрасную златобагряность, которой украшаются утро и вечеръ; съ поспѣшностію встаетъ съ мягкой и покойной своей постели, чтобы въ полной мѣрѣ насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое представляется взорамъ его при восходѣ благотворнаго солнца, оживляющаго своимъ приходомъ всю вселенную.

4-е *Въ чемъ должно состоять воспитаніе юношества?*

Воспитаніе юношества, во-первыхъ, должно препоручать людямъ благовоспитаннымъ, могу-

щимъ на все дать точное изъясненіе, особенно невспыльчивымъ и наконецъ благонравнымъ, чтобъ они были воспитаннику болѣе отцемъ, нежели учителемъ. Должно питомца пріучать болѣе всего къ порядку, трудолюбію и умѣренности. Давать ему совѣты, когда онъ учинитъ какую-либо погрѣшность, и за оную никогда не предаваться своему гнѣву. Надобно учить его познанію людей, чтобъ въ жизни своей никогда не могъ быть ими обманутымъ и не могъ обольститься прелестями свѣта. Чтобъ цѣль воспитанія юноши была польза своему отечеству и добродѣтельная жизнь въ кругу семейства.

5-е *Положеніе убійцы.*

Убійца, по совершеніи злодѣянія, не можетъ быть покоенъ. Совѣсть, неумолимый судья, вездѣ его преслѣдуетъ. Будь онъ въ степяхъ Африканскихъ, ему слышатся крикъ и стенанія убіеннаго; глазамъ его представляется окровавленный образъ несчастной его жертвы, ужасныя мечты ему предстоятъ. Будь онъ среди шумныхъ обществъ, тотъ же образъ. Все его ужасаетъ; въ смущеніи своемъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, и что ему начать. Земля, на которой онъ пролилъ невинную кровь, не можетъ быть ему оте-

«чествомъ. Дневный свѣтъ становится ему несносенъ, сладкій сонъ далеко отъ него убѣгаетъ. И такъ, страхъ, смущеніе, волненіе души, угрызенія совѣсти — вотъ жалкій, но достойный удѣлъ убійцы!

Вообще всѣ, которые посѣщали Гатчинскій Воспитательный Домъ, увозили съ собою подобныя сочиненія, болѣе или менѣе удачно написанныя. Люди, привыкшіе жгутомъ крутить мозгъ свой, чтобы находить ошибки во всемъ, что они видятъ и слышатъ, конечно найдутъ и въ сихъ опытахъ многое, требующее поправки; но мужи опытные, занимающіеся или занимавшіеся сами преподаваніемъ, громко изъявляютъ удивленіе свое, что тринадцатилѣтнія дѣти пишутъ такъ, при шумѣ и разговорѣ посѣтителей, безъ всякаго приготовленія, и въ столь краткое время. Прибавимъ мы, съ своей стороны, что курсъ въ Гатчинскомъ Воспитательн. Домѣ есть элементарный; прибавимъ и то, что мы всѣ сіи результаты не поставляемъ себѣ за личное достоинство, но по долгу и совѣсти, единственно можемъ приписывать ихъ превосходству методы Жакото. Долго ли еще будутъ

противники въ семъ превосходствѣ сомнѣваться? Впрочемъ, если они сомнѣваются, да придутъ они къ намъ и да удостовѣрятся сами.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ИМПРОВИЗАЦІЯ (*).

Такъ какъ по методѣ Жакото принуждаютъ учениковъ, при каждомъ упражненіи, изъясняться изустно, то они, по окончаніи полнаго курса, легко импровизируютъ, т. е. они обо всѣхъ предметахъ, которые имъ будутъ заданы, могутъ сказать, хотя что-нибудь связными, понятными словами. Импровизаціи сіи дѣлаютъ они всегда въ томъ-же самомъ порядкѣ идей, какъ и сочиненія. Ученики Жакото утверждаютъ, что сіе упражненіе всегда есть верхъ удивленія для слушателей.

Въ Гатчинскомъ Воспитательномъ Домѣ не доходили еще до сего упражненія, и потому не помѣщаемъ здѣсь примѣровъ.

(*) Въ сочиненіяхъ Жакото находится отличная статья объ импровизаціи, которую нельзя ни съ чѣмъ сравнить, что было писано о семъ предметѣ; желающимъ ознакомиться съ методою Жакото, совѣтуемъ прочесть со вниманіемъ, что сказано на счетъ сего въ Vol. de la langue maternelle стр. 178 — 221.

ДВАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНІЕ.

ВСЕ ВО ВСЕМЪ.

Когда ученикъ вашъ знаетъ Телемакъ; когда онъ вамъ можетъ изложить искуство сочинителя сего творенія, и говоритъ о семъ съ вами; когда онъ можетъ относить (выражаясь изустно-же) къ оному прочія произведенія искуства въ Литературѣ; то пусть онъ вамъ покажетъ, не всегда-ли сочинитель руководствуется однимъ и тѣмъ-же духомъ, какія бы то ни были его цѣль и средства, въ какихъ-бы обстоятельствахъ онъ не находился, какіе-бы факты онъ не желалъ выразить.

Ученикъ, имѣя теперь поверхностное понятіе о произведеніяхъ Литературы, пусть за симъ изучаетъ книгу, содержащую въ себѣ какую-либо науку; онъ покажетъ вамъ тогда, что сіи книги, какъ и всѣ прочія, суть произведенія искуства; онъ изустно и письменно докажетъ вамъ, что въ сихъ книгахъ всегда дѣло идетъ о точномъ изложеніи какихъ-либо фактовъ, или о взаимномъ отношеніи ихъ другъ къ другу, что называютъ изложеніемъ и изъясненіемъ; ученикъ покажетъ вамъ, что это тоже самое искуство, какъ и у сочинителя Телемака.

Такъ долженъ ученикъ изучать теперь книги,

содержащія въ себѣ какія-либо науки, равнымъ-же образомъ, какъ и всякое другое произведеніе искуства. Повѣряй, скажите вы ему, точно-ли списаны факты въ языкѣ условія ученыхъ. Повѣряй изложенія и изъясненія, ибо это произведеніе человѣка; факты имѣютъ другой источникъ. Вотъ цѣль упражненія *все во всемъ*.

Въ Телемакѣ находится Грамматика, Исторія, Географія, Воинское Искуство, Кораблестроеніе и пр. и пр. Въ немъ заключаются всѣ наши упражненія. Сочинитель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говоритъ кратко о томъ, что въ другихъ мѣстахъ онъ развиваетъ; онъ дѣлаетъ подражанія и переложенія по собственнымъ образцамъ; однимъ словомъ, онъ дѣлаетъ все то, что человѣческій умъ можетъ сдѣлать въ какой-бы то ни было наукѣ. Слѣдственно *все во всемъ*.

Выучивать и сравнивать, сравнивать и повѣрять: вотъ въ чемъ состоитъ Всеобщее ученіе.

Напримѣръ, положимъ, что учитель раскрываетъ Сочиненія Батюшкова, 103 стр. и читаетъ:

»Все то, что способствуетъ къ доставленію »вкусу болѣе тонкости и разборчивости, все то, »что приводитъ въ совершенство чувствованія »красоты въ Искуствахъ и Письменахъ, отводитъ

»насъ въ то же самое время отъ грубыхъ изли-
»шествъ страстей, отъ неистовыхъ воспаленій
»гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ
»подлыхъ наслажденій.« (Слова Муравьева).

Учитель спрашиваетъ ученика, не можетъ-ли онъ примѣнить факты Телемака къ симъ мыслямъ Муравьева, или, лучше сказать, не можетъ-ли онъ доказать, что Муравьевъ, когда писалъ сіи мысли, думалъ о фактахъ, подобныхъ тѣмъ, кои находятся въ Телемакѣ. Ученикъ доказываетъ, что *все во всемъ*, отвѣчая:

Я понимаю сіи слова чрезъ сравненіе оныхъ съ слѣдующимъ фактомъ, находящемся въ Телемакѣ: Когда Аполлонъ у Царя Адмета сталъ учить всѣхъ пастырей, дотолѣ провождавшихъ жизнь дикую и звѣрскую, искуствамъ, то нравы ихъ смягчились. »Все то, что способствуетъ »къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разбор»чивости.« Это понимаю я изъ того, что звуки свирѣли Аполлона доставили пастырямъ болѣе тонкости и разборчивости во вкусѣ.

и т. д.

Сіе упражненіе требуетъ частаго повторенія и многаго времени; оно можетъ быть примѣнено ко всѣмъ сочиненіямъ, даже къ таковымъ, въ которыхъ излагаются частныя науки. Таковые новые факты и упражненія внушаютъ ученику но-

выя мысли; и такъ какъ преслѣдуется путь, который съ самаго начала былъ начертанъ, то ученикъ не можетъ сбиться съ онаго; притомъ то, что онъ дѣлаетъ, ему уже привычно; онъ безпрерывно повторяетъ выученное, что для него и служитъ членомъ сравненія, къ которому онъ относитъ все; такъ образуется въ умѣ ученика безпрерывное сцѣпленіе идей; но число оныхъ не можетъ вредить ихъ ясности: порядокъ, существующій во всѣхъ сихъ пріобрѣтеніяхъ, не допускаетъ никакого смѣшенія.

Вотъ какимъ образомъ Всеобщее ученіе руководствуетъ учениковъ по стези познаній. Многіе люди думаютъ, что дѣти неспособны къ тому размышленію, которое метода съ нихъ взыскиваетъ: они ошибаются. Нѣтъ сомнѣнія, что ученики старой методы не такъ скоро привыкаютъ къ подобному размышленію; ихъ почитаютъ неспособными къ тому; съ нихъ ничего не взыскиваютъ, и они ничего не дѣлаютъ, это весьма естественно. Всеобщее ученіе все съ нихъ требуетъ, и прилежный ученикъ все исполняетъ; безпечный дѣлаетъ не много, а лѣнивый и непослушный ничего не дѣлаетъ. Еслибъ всѣ люди принадлежали къ сему послѣднему роду, то всѣ методы были-бы равно хороши, или, лучше, равно безполезны. Но сей лѣнивецъ, который дрем-

летъ въ нашихъ классахъ, какъ въ классахъ старой методы, и котораго она почитаетъ глупымъ, можетъ нѣкогда пробудиться; вкусъ его можетъ перемѣниться: возрастъ, сѣтованіе, надежда на скорый успѣхъ, тысяча неожиданныхъ обстоятельствъ могутъ перемѣнить его волю. По старой методѣ это тогда поздно; онъ никогда ни чему не выучится; онъ долженъ пройти, по крайней мѣрѣ, семилѣтній курсъ, онъ не имѣетъ для сего времени. Сверхъ того, кто ему внушитъ охоту къ сему? Его устрашаютъ, его журятъ, ему говорятъ, что время ученья уже прошло, что научиться чему-либо можно только въ юности, что у него никогда не было способностей. Пусть онъ придетъ къ намъ, тотъ, который разскаявается. Истинное раскаяніе, непоколебимая воля: вотъ что мы называемъ геніемъ; мы покажемъ ему стезю, по которой онъ легко можетъ пройти. Впрочемъ мы обращаемся только къ недѣлимымъ отдѣльно: *L'homme entend, l'espèce est sourde.*

Конецъ.

